

Михаил ЗЕМСКОВ
САКСОФОН ГАВРИИЛА

(журнальный вариант)

Окончание. Начало в № 12, 2023 и № 1, 2024.

Вечером в скайпе – несколько сообщений от Маши.

«Сегодня снова зашла в ту церковь. Лучше бы не заходила. Жуткая сцена. Молодая женщина пришла с маленьким сыном – лет трёх-четырёх. Женщина сначала молилась истово у иконы Девы Марии. В её лице что-то такое было... Я в прошлый раз мужчину с таким же лицом видела. Когда на лице как будто отражается душа. Все маски, мимика, выражения спадают, и напрямую всё видно – что у человека на душе, все движения. И видно, что случилось с ним что-то, какая-то беда недавно произошла. И ещё видно, что человек этот только недавно недавно в Бога поверил, и потому такой открытый перед ним, верящий, что чудо вот прямо сейчас произойдет. Это только когда он в церкви перед иконой, конечно. Потом, когда от иконы отойдет и к выходу направится – всё, уже сразу маску надевает. И вот эта женщина с таким лицом перед иконой Девы Марии стояла и молилась. Я тайком наблюдала за ней. Когда за таким лицом наблюдаешь – это сильно. И в тебе начинает что-то просыпаться и двигаться. Маленький сын отвлекал её всё время от молитвы. То за руку тянет, то хныкать начинает, то просто отбегает куда-то. И вот отошла она с ним туда, куда он её тянул – к двум другим детям постарше, которые тоже были в церкви. Дети эти собирались на улицу выйти, потому что рядом с церковью, прямо на церковном дворе поставили детские горки, лесенки, ещё какие-то развлечения им. Женщина поговорила о чем-то с этими детьми, со своим сыном, потом ещё с одной служительницей храма. Потом я вижу, как эта женщина одна возвращается к иконе Девы Марии, а её сын вместе с другими детьми пошел на эту детскую площадку на улице. Женщина снова стала перед иконой о чем-то про себя молиться, лицо её снова разгладилось – только губы еле шевелятся. Пока отходила, уже успела маску надеть, а теперь снова вернулось отражение страдающей и молящейся души – такой, как будто поднялась душа между землей и небом. Я снова за ней тайком наблюдаю. Испытываю от этого такое странное удовольствие – как будто и я через неё и её молитву к чему-то высокому, неведомому и недостижимому для меня прикасаюсь. Кайф, трудно передаваемый. И вот стоим мы в таком совместном замороженном блаженстве, и кажется, что вокруг во всей церкви всё тоже находится в таком раболепном упоении, и вдруг – женский крик, визг. В церковь вбегают испуганные люди, ищут родителей ребёночка. Женщина вздрагивает, бежит им навстречу, тоже кричит, плачет. Оказывается, что сын её упал с лестницы и головой об выступавший из земли камень. Потому что горки и лестницы только поставили прямо посреди двора, а внизу мягкие подстилки не успели ещё обустроить. Все стали выходить из церкви, и я тоже. Молодая мать эта мальчика обнимает, ревет, голова у него в крови. Кто-то в скорую звонит, какое-то возбужденное движение и суета вокруг. Жутко до невозможности, тело трясёт. Я не могла там находиться и терпеть, убежала прочь, домой, и до сих пор дергает меня всю и трясет. А дома через час – клиент. И нельзя было отказаться, потому что должна денег. Улыбаться, сжимая зубы, и вилять задом, когда тебя трясет и перекашивает внутри. Уф!.. Я героиня труда по своей профессии. Героиня труда, реально. Будь я президентом, а кто-нибудь другая

на моем месте сегодня – я бы ей золотую звезду героини труда вручила, без колебаний. А клиент как будто почувствовал эту внутреннюю дрожь и жуть во мне, и так возбудился на неё... Аж самого трясти начало, каким-то диким оргазмом всё закончил. Ушел довольный и счастливый, как пять рублей, падла... Зато чаевые оставил – две штуки. И я их взяла. С готовностью взяла – потому что нужны. Не могу больше. Как ушёл – я после него вискаря сразу, и сейчас уже полегче. Полегче, честно».

«Я зря тогда тебя к себе пригласила. Расслабилась. А теперь должна. Не сказала тебе – в подъезде видеочамера, каждое посещение мужчины ко мне считается как визит клиента, и я, соответственно, должна отдавать, за каждый час, пока мужчина у меня. Теперь должна пятнадцать тысяч. Сегодня треть покрыла. Если у тебя есть свободные десять тысяч – можешь мне завтра занять, я потом отдам. Терпеть не могу перед ними долг держать».

«Черт, прости, забудь про деньги. Я просто пьяная и нервная».

Свободных десяти тысяч у меня не было. Денег до зарплаты почти не оставалось – с уходом Лены моё финансовое положение заметно ухудшилось. Только если занять у кого-нибудь. Но у кого?

15

События, произошедшие во время третьей встречи с управляющими клубом, мне до сих пор кажутся довольно странными.

– Я здание-то так вокруг и не посмотрел, – весело бросил Мага, когда мы подходили к клубу. Перескочил через невысокую ограду и пошел по траве к правому краю фасада. Мы с Акрамом остановились.

– Ты недолго там! – чуть улыбнувшись, крикнул Акрам.

Повернувшись ко мне, негромко проговорил:

– Люблю Магу. Молодой, горячий, наивный. Невеста у него красивая, в Гудермесе. Очень красивая.

– Там две «Газели» тонированные. И по ходу два автозака ментовских вдалеке, если чё, – сообщил нам Мага, вернувшись после обхода здания. – Пойдем.

Призывно кивнув головой, он уверенно направился к входу. Акрам последовал за ним.

– Нет, подождите... – Я попробовал их остановить. – Если там автозаки и газели – это ведь похоже на засаду.

– Ты думаешь? – замедлив шаг, Акрам обернулся ко мне и посмотрел странным невидящим взглядом.

– Ну конечно. А вы разве нет?

Мага с Акрамом не останавливались, и мне пришлось догонять их.

– Думаем, – с готовностью подтвердил Мага, не оборачиваясь. – И если это так, они за это ответят.

– Но, может, как-то по-другому? Мы же идем прямо к ним в логово, в засаду, – я семенил за ними.

Мы подошли к двери.

– Сейчас не идти уже нельзя. Но то, что мы знаем о засаде, дает нам некоторое тактическое преимущество, – Акрам подмигнул мне, с еле заметной улыбкой, но взгляд его глаз оставался все таким же серо-невидящим.

– Да, по-серьезному ответят, если кинуть захотели, суки, – Мага дернул за ручку двери и вошел внутрь.

В клубе было необычно тихо и пусто. Один из тех же охранников, что присутствовал на прошлых встречах, проводил нас всё в ту же комнату. Акрам с

Магой сели на уже привычные места под репродукцией «Бурлаков на Волге». Классическая картина Репина в этом месте и обстоятельствах снова производила на меня необъяснимо мистическое впечатление. Грустный и одновременно сочувствующий взгляд «шишки» из-под кустистых, уныло опущенных бровей был направлен прямо на меня.

За столом кроме Олега с Ольгой сидел ещё один мужчина лет пятидесяти – грузный, с бритой головой и седыми усами.

– Это Алексей – поверенный владельца нашего холдинга, – представила его Ольга, – он просит, чтобы вы ещё раз лично ему повторили ваши претензии и требования.

– Да я сам, Оля, скажу. В общем, да, хочу лично выслушать ваши, кхм, пожелания... – недовольным скрипучим голосом проговорил новый участник переговоров.

– Ребята пусть в коридоре отдохнут, – кивнул на стоявших у дверей охранников Акрам, – а то столько людей в камерке – кислорода не хватает.

– В обморок боишься упасть? – усмехнулся Алексей, но сделал знак своим парням. Те вышли. – Ну так слушаю... ваши пожелания?

– Мы попугаи, что ли? – холодно ответил Акрам. – За две встречи уже всё сказано-пересказано и всё понято. В шоу попугаев участвовать не собираемся, – он демонстративно откинулся на спинку стула.

– Хорошо... Если вы не хотите сказать – я скажу. Из-за какой-то мелкой тёрки с охранником на всю контору решили наехать? Думаете, если ваши в органах крепко сидят, то чё бы тут по-легкому фарш не спилить? Не думаете, что на любой авторитет всегда найдется авторитет повыше? Вам предложили компенсацию, справедливую – всё по совести. Вы недовольны? – Алексей переводил тяжелый взгляд с Акрама на Магу, с Маги – на меня.

– Мы недовольны. Мы очень недовольны тем, что уже неделю вы нам мозги пудрите. – Акрам положил руки на стол и немного подался вперёд. – Мои братья и друзья живут в гостинице. Расходы растут каждый день...

– Компенсация растёт каждый день, – вставил Мага.

– Чё, красивое слово выучил? «Компенсация»... – передразнил Алексей, побагровев. – По-русски сначала говорить научись...

Мага потянулся к своему «Стечкину», Акрам перехватил его руку. Дверь открылась, и в дверях появились охранники с пистолетами в руках (я позже понял, что Ольга вызвала их нажатием на кнопку или ещё каким-то сигналом).

У Алексея зазвонил мобильный телефон.

– Стреляем или беседуем? – мрачно спросил он, не обращая внимания на звонок.

– Беседуем, – Мага положил руки на стол.

Алексей сделал знак охранникам и ответил на звонок. Те вышли.

– Да. Всё нормально. Хорошо, – проговорил в трубку Алексей и положил её на стол – почему-то как можно дальше от себя в сторону. Перевёл взгляд на меня.

– Алексей, – заговорил молчавший до этого Олег, – я этого товарища, – кивнул на меня, – на днях видел, на видео. Он к одной из наших девок приходил. И не заплатил, между прочим.

Мага с Акрамом вопросительно посмотрели на меня.

– Не ошибаешься? Мне его лицо тоже знакомо, – ответил Алексей, – но я же твои видосы не смотрю.

– Точно он. К той самой малой, с чьих очков всё и началось-то с этими... – Олег кивнул в сторону Акрама и Маги, – ...товарищами.

– Так ты нам должен теперь, что ли? – спросил меня Алексей.

Я взглянул на Акрама, потом на Магу. Губы Маги шевелились, он растерянно уставился на меня. Мне показалось, что его губы прошептали «Махди Иса». С картины на меня с состраданием и надеждой смотрел бурлацкий «шишка».

– Кто без греха, пусть первый бросит в неё камень, – тихо проговорил я, потом повернулся к Алексею и громко отчеканил: – Я ничего не должен, потому что не за тем к ней приходил, за чем другие приходят.

– А за чем же? – хмыкнув, спросил Олег.

– За тем, чтобы жизнь её узнать.

– Как-то так высокопарно говоришь... – перебил Алексей. – У меня аж чесаться где-то начинает. О, чёрт... Вспомнил, где тебя видел. Сюжет в передаче на выходных. Парень под гипнозом утверждал, что он в прошлой жизни Иисусом был... Это же ты...

– Да, это про меня... – я покрылся испариной и покраснел, вспомнив, как снимался тот сюжет.

– Вот мошенники, по всем направлениям работают... Ну мазурики, – рассмехался Алексей, хлопнув ладонями по столу. Олег рассмеялся вслед за ним.

– Подождите, – остановила их Ольга, – я тоже слышала. У нас действительно есть такой уникальный психотерапевт, который под гипнозом вводит человека в его прошлые жизни. Там люди на других языках начинают говорить, необыкновенные подробности вспоминать. Это всё правда. А вы... – повернулась ко мне, – вы попали в жизнь Христа в прошлой жизни? То есть были в прошлой жизни господом Иисусом Христом?

– Да-да, Махди Иса с нами, поэтому вопрос в нашу пользу... – заверил Мага.

– Наш друг действительно уникален, но мы отошли от темы. Хочу подтвердить, – глядя исподлобья на Алексея, продолжил Акрам, – размер нашего требования ваш хозяин знает, но отказывается от него. Так?

– Какое требование? Уточните уж, пожалуйста, – кончики усов Алексея издевательски поднялись вверх.

– Скажите, и вы всё-всё вспомнили из той вашей жизни? – тихо спросила у меня Ольга. – И как с креста на небо улетели?

– Оля, да что ты в самом деле?! – гаркнул на неё Алексей.

– Нет, до этого в сеансах с психотерапевтом мы ещё не дошли, – быстро вполголоса проговорил я.

– Что ты кричишь, Алексей... – с укором посмотрела на него Ольга, – может, с уникальным человеком общаемся. Когда ещё такая возможность будет...

– Каким уникальным, чёрт...

– Что-то часто ты чёрта сегодня поминаешь...

– Извиняюсь, может, вы свои разногласия позже решите? – вставил Акрам.

– А вы что, вы вообще не христианин, вам не понять, – огрызнулась Ольга.

– Эй! Илья – наш друг, зачем так? – вступился Мага.

– Да что за цирк! – хлопнул рукой по столу Алексей. – Уточните ваше требование, и я отвечу, и за себя, и за хозяина. И даже перезвоню ему прямо сейчас, если хотите.

– Вы знаете требование, – безразлично ответил Акрам.

В этот момент я наконец догадался, почему Акрам не хотел повторять своё требование по размеру компенсации. Автозаки, засада, прослушка... Если бы сказал вслух, на основании аудиозаписи нас, наверное, можно было обвинить в вымогательстве или ещё чём-то подобном. Я посмотрел на него с уважением. А из-за Акрама смотрел на меня грустный сострадалец, бурлац-

кий «шишка», словно говорил, вздыхая: «Что же делать-то, что же делать... раз не то ты творишь, не то...»

– Что ж, если не хотите сказать, то и говорить нам, кажется, больше не о чем. Так, господа? – оглядел всех Алексей, отодвигаясь от стола. – Может, тогда пора контрвход?

– Говорить – есть о чем. – Акрам достал свой телефон и разблокировал его. – Ведь лучше всё-таки говорить? – посмотрел долгим испытующим взглядом на Алексея, театрально держа большой палец над клавишей. – Или нет?

В комнату снова вошли охранники (как Ольга или Олег умудрялись незаметно их вызывать?). Рука Маги потянулась внутрь его черной куртки.

– Акрам, – тихо проговорил я, – оставь им. Не наберешь здесь – не растеряешь там. Смотри, – я показал на бурлацкого «шишку», – чувствуешь, что он набирал и что терял?

Акрам обернулся и посмотрел на группу оборванцев на картине.

– Как хорошо сказано: «не наберешь здесь – не растеряешь там», – полусшепотом восхищенно проговорила Ольга.

Акрам снова повернулся ко мне:

– Илья, ты под чем-то? – многозначительно поднял бровь.

«Свидетельствовать любовь» – снова вспыхнула внутри меня странная фраза и как будто озарила изнутри. Я усмехнулся – мол, да, под чем-то... под ним самым, «свидетельствованием любви». И это покруче, чем под любым из всех волшебных веществ, известных Акраму.

– Да, Акрам... – выдохнул я, – можно и так сказать. Извини, возможно, я сам не знаю, что делаю и говорю... Скорее, нечто во мне сейчас действует за меня. Ведь сказано: попросит кто у тебя рубаху, то отдай ему и нижнее белье.

– Так это скорее к ним, – перевёл большим пальцем на хозяев помещения Акрам. – Просим-то мы ведь. И я, в общем, о том же – пусть отдадут и нижнее белье.

– Какое еще нижнее белье, чёрт! – вскричал Алексей.

– Опять ты чёрта... – ткнула его в бок Ольга.

– Ко всем, Акрам, ко всем... – с размеренным блаженством проговорил я, «свидетельствуя любовь», – и если кто хочет быть первым, пусть будет последним. Посмотри на бурлацкого «шишку», первого в артели. Первый он или последний?

Телефон Акрама выдал нервную трель.

– Извините. Минутку, – он поднял указательный палец и ответил на звонок, но тут же протянул телефон Маге: – Чё у тебя мобильник отключен? Тебя.

– У меня? Не отключен... – удивился тот и, взяв трубку, заговорил в неё по-чеченски.

Акрам посмотрел на меня, потом на бурлаков на картине, потом – снова на меня.

Закончив разговор, Мага вернул телефон Акраму и бросил ему несколько слов по-чеченски.

Акрам коротко ему ответил и снова посмотрел на меня:

– Илья, ты хотел, чтобы я почувствовал. Я действительно что-то чувствую. Ты открываешься для меня с неизвестной стороны. В самом деле, оставь им... – он повернулся к Ольге. – Мы согласны на ваш размер... м-м... компенсации.

Алексей с подозрением переводил взгляд с Акрама на меня, на Магу, на охранников. Ольга достала из сумки конверт и положила на стол перед Магой.

– Спасибо, – кивнул Акрам.

Мага взял конверт, тихо проговорив что-то по-чеченски.

– Не будем вас больше задерживать, – Акрам встал из-за стола и направился к выходу.

– Акрам, погоди, – я остановил его. – Если вы не против, – показал на конверт в руках Маги.

Мага вопросительно посмотрел на меня, соображая – то ли протянуть навстречу конверт, то ли спрятать от греха подальше. Акрам равнодушно пожал плечами. Не забирая конверт из рук Маги, я приоткрыл его и вытянул две пятитысячных купюры:

– Верну потом.

Обернувшись к Олегу, я положил деньги на стол:

– Не требуйте больше ничего с Марии.

Акрам с Магой понимающе кивнули.

– Пошли, – кивнул я.

Мы двинулись к двери.

Несмотря на свою внутреннюю озарённость «свидетельствованием любви», я одновременно думал о том, что как только мы выйдем из комнаты переговоров в коридор, нас схватят омововцы, повалят на пол, отберут у Маги оружие и потащат в автозак. Но ничего такого не произошло. Мы беспрепятственно покинули вражескую территорию.

Мага, шедший впереди рядом с Акрамом, говорил ему что-то по-чеченски, и по интонации невозможно было понять, рад он или расстроен. Акрам сначала односложно отвечал, потом обернулся ко мне:

– Илья...

Он хотел что-то сказать, но как будто не смог подобрать слова. Вместо этого протянул мне руку. Я её пожал. Вслед за ним Мага уверенно выставил вперед свою костистую пятерню – мы тоже обменялись крепким и многозначительным рукопожатием.

Отпросившись раньше с работы, я приехал на очередной приём к психотерапевту. Увидев меня, Игорь Иванович как будто удивился. На его столе я заметил чуть початую бутылку дорогого коньяка и рюмку.

– Илья... Разве я тебе не звонил предупредить? Тут у меня просто такие обстоятельства... Грушенькина убили.

– Грушенькина? Это кто?

– Коллега мой и конкурент. Один из немногих, кто вместе со мной регрессивный гипноз у нас в России-матушке открывал. Сегодня сообщили. По предварительным данным, один из бывших пациентов. Три хладнокровных выстрела. Бух-Бух-Бух. И нет человека... Вот... Поэтому я сегодня практику отменил – не могу работать... Будешь? – Он смущенно указал на коньяк.

– Я за рулем сегодня.

– Ерунда, оставишь машину здесь, во двор загонишь – там безопасно. С утра заберёшь. Грех не помянуть, не выпить.

Планов на остаток дня, кроме скучного одинокого вечера в своей квартире, у меня не представлялось, и я согласился.

– Ну и отлично, мне вместе с тобой приятнее и человечнее будет его тут вспомнить-помянуть, – Игорь Иванович достал из ящика шкафа еще одну рюмку. – А то домой как-то не хочется ехать. Там... жена... Не понимает... Надо будет мне здесь, кстати, дверь поменять, стальную поставить. А то все в стране непуганых идиотов живем... Точнее, я непуганый. Двери – чуть не настезь всегда. Даже сегодня.

Он разлил по рюмкам чуть маслянистый светло-коричневый напиток.

– Давай помянем Ванюшу. Не всегда мы с ним ладили, но хороший в целом был парень, хороший. Активный, увлечённый, ответственный... Чёрт... И меня ведь могут заподозрить – как конкурента его. Тем более, были у нас с ним конфликты одно время – что скрывать... Но ладно, не об этом сейчас... Хороший человек был. И не стало человека. Давай помянем. Царство ему Небесное и пусть земля будет пухом.

– Царство Небесное, – согласился я.

Мы выпили.

– Вот... Никто никогда не подумает, что психотерапевт – опасная профессия, а оно так.

– Он ездил с вами на конференцию в Швейцарию?

– На конференцию? – не сразу понял Игорь Иванович. – Нет. Не ездил. Ему всегда денег было жалко на такие мероприятия. Говорю же, у него свои тараканы. И самомнения выше крыши.

Мы выпили ещё по одной.

– Как хорошо, что ты сегодня ко мне пришел, – ласково улыбнулся Игорь Иванович, – наверное, не зря я тебе не дозвонился. Или сверхсознание какое сработало и тебя сюда привело. А то сидел бы сейчас один – тонул в алкоголь и депрессии... Домой не хочу ехать... Вот проживешь так жизнь, всего достигнешь, всё обрящешь. Профессия, общественное и семейное положение, взрослые благополучные дети, материальная обеспеченность... А в один момент вдруг обнаруживаешь, что банально не хочется возвращаться домой... И всё обрященное – как будто немного не твоё... а женское. Для женщины ведь так естественно – владеть. И так гармонично она свои ручки во всё погружает, к своим ручкам прибирает, поглощает. А мужчине владеть – неестественно. Овладевать, завоёвывать – да, но не владеть. Овладел, отдал жене – пошёл дальше. А жена – владеет, копит... Даже по биологической природе своей – мужчина отдаёт семя, женщина – принимает... Эх, мать, стержневая сущность женская, – Игорь Иванович разлил по рюмкам коньяк, – помянем Ваню, Царство Небесное.

– Царство Небесное, – снова согласился я. Снова опрокинули рюмки.

– Тебя это тоже ждёт, – продолжил Игорь Иванович, – у Леночки мягкие, но крепкие ручки. Своего не упустит и не отдаст.

– Лена ушла от меня...

– Да что ты... – Он покачал головой. – Ничего, не переживай – они никогда не уходят окончательно. Как, впрочем, и мужчины... Хотя... Стержневая сущность женщины... – с усмешкой повторил он. – Устроила мне в тот раз спектакль. Мол, зачем предаю огласке... Мы так не договаривались... Правильно, насчёт огласки третьим лицам – никак не договаривались. Это тебе она просила ничего не говорить, а третьим лицам – увольте, никакого разговора и договора не было.

– Что она просила мне не говорить?

– Да так... уже не имеет значения.

– Если не имеет значения – так скажите.

– Просила не говорить, с чего всё началось. Как она ночью услышала твои разговоры во сне на непонятном языке, записала их на диктофон и дала послушать какому-то учёному. А тот сказал, что это язык времен Христа. После этого-то она ко мне и пришла, взволнованная и напуганная. Начала договаривать, чтобы я как-нибудь тайком тебя в регрессивный гипноз погрузил и про ту прошлую жизнь твою выяснил. Я воспротивился, конечно. Как это –

«тайком»? Неэтично, да и невозможно даже – при всём моём желании. Она тогда уже что-то заподозрила или почувствовала. Она тебе, может, рассказывала про свой опыт регрессии у меня – как её в прошлой жизни, в средние века, христиане на костре сожгли. Так что всё связанное с христианством у неё не вызывает ничего, кроме панического страха и ненависти. Да и вообще – иудей христианину враг...

– Значит, Лена тайком от меня заранее с вами договаривалась, чтобы меня... исследовать таким образом?

– Да, даже не раз ко мне приходила. А тебе ничего не говорила почему-то. Хотя я догадываюсь, почему... У меня теория, что натура Лены, её пострадавшая от христиан душа, почувствовала твою сущность через все жизни. А твоя душа, наоборот, почувствовала её еврейскую сущность, и это пробудило в тебе хранящийся в подсознании страх смерти от иудеев и ужасы из прошлой жизни. В результате это всё и вылилось в твои ночные кошмары. Ты, кажется, говорил, что они у тебя после знакомства с Леной появились?

– Вообще-то... да, кажется, кошмары начались, когда Лена ко мне переехала.

– Ага, вот! Что я говорил! – Игорь Иванович возбужденно хлопнул в ладоши и удовлетворённо их потёр. – Видишь, как закручено всё на тонких уровнях! Пойди разберись... Ладно... Давай Ваню помянем, – взял бутылку и разлил по рюмкам коньяк, – Царство тебе, Ваня, Небесное.

– Царство Небесное, – в очередной раз подтвердил я. – Но почему она всё-таки скрывала это от меня? Не поговорила откровенно?

– Не знаю. Кто их, женщин, разберёт... Что-то почувствовала... Что-то приснилось... Что-то подружка сказала... Ну и что-то подумала – такое тоже случается. Вот и попробуй разберись – в какой момент что сработало... Но к тебе она хорошо относилась, с заботой и нежностью – этого не отнять.

Некоторое время мы молчали, погружённые каждый в свои мысли.

– Игорь Иванович, можно задать вам один вопрос? Та терапия, которую вы сейчас со мной проводите – ведь этот процесс меняет мою сущность. – Я кашлянул. В горле пересохло, слова приходили с трудом. – Может, даже не только... Точнее, да, не только сущность... Ведь с сущностью неизбежно меняется какая-то моя миссия на Земле. То, что я должен сделать. В смысле... – я ещё сильнее смутился, – я не имею в виду ничего громкого, просто слова какие-то пафосные приходят.

– Всё нормально, я понимаю... Ты имеешь в виду, что, вот, мол, был я в прошлой жизни величайшей фигурой в истории, с великой миссией. Страдал, боролся, шёл до конца, принимая мученическую смерть... И что, может быть, в этой жизни у меня тоже должна быть такая же великая судьба – бороться, страдать и умереть, а я вместо этого отлёживаюсь тут в мягком креслице у психотерапевта, который меня от этой драмы хочет избавить... Так?

– Ну, не совсем... Но вообще-то да, именно так, – меня вдруг наконец провало, – именно так! Я помню, вы говорили, что не верите в гениев, что очень любите с ними работать. Может быть, как раз ваша цель – сгладить всех гениев, излечить от их неправильностей, от страданий, упростить, причесать, пригладить? Превратить в простых, всем довольных обывателей – счастливых и ни от чего не страдающих безликих винтиков...

– Да, да, конечно... – улыбнулся Игорь Иванович. Его лицо, и до того изрядно румяное от возлияний, стало пунцовым. – Великий заговор против гениев, и я – Мистер Зло, штампуемый из ярких индивидуальностей серую массу. Забавно, конечно, звучит... И, главное, весьма лестно для меня. Но вынужден буду разочаровать. Я действительно не люблю тех, кто называет себя гени-

ем. Потому что в привычном нам понимании этого слова их не существует. Скорее, гений – это самовлюбленная и зацикленная на себе личность, страдающая определённой одержимостью, чаще всего в результате каких-либо психологических травм. Например, Ницше. Все говорят – гений, гений, сошёл с ума от того, что увидел, как лошадь стегали по морде. Сошёл бы он от этого с ума, если уже раньше у него не было психических проблем? Были, целый букет... Точно так же любого гения можно разложить на определённую комбинацию психологических травм и болезненных состояний. Или вот Эдисон. Все кричат – гений, гений... Изобрёл лампочку... Раз – и вдруг благодаря своей гениальности взял да изобрёл. Чушь! Пахал просто без перерыва. Несколько тысяч вариантов лампочки испробовал. Несколько тысяч! Другой бы на пятидесятой всё бросил, плюнул и пошёл дальше, а этот фанатик-трудоголик десять тысяч неудачных лампочек выбросил, а десять тысяч первая – хоп, наконец удалась. Гений-изобретатель? Нет. Болезненная самоуверенность и болезненная работоспособность... Нормальный человек на пятидесятой лампочке потерял бы уверенность в себе, решил, что он неудачник и неуч, и всё забросил... А насчёт страданий... Само собой, все такие одержимые состояния не могут не приводить к страданиям, или своим, или – что хуже – чужим. Как психотерапевт, я очень люблю работать с такими, с позволения сказать, гениями. Всё – как на ладони. Садись и учебник пиши. А моя миссия – избавлять от страданий. Но если хочешь... – Игорь Иванович вдруг встал с кресла, – если хочешь – иди страдай... Я силой тебя сюда не тащу, – он отошёл к стене, заложив руки за спину, – хотя, если честно... Если честно... – он вернулся к столу, налил себе коньяку, сделал небольшой глоток. – Я не знаю... Никому не говорил то, что тебе сейчас скажу. Для этого нужна определённая смелость и ответственность – и перед другими, и, может, даже важнее – перед самим собой, чтобы признаться... И вот, я признаюсь тебе: я не знаю... Не знаю, как эта терапия может изменить твою судьбу... миссию, если хочешь... Не имею по этому вопросу мнения. Но когда у меня нет мнения, я могу только следовать долгу. А мой долг, моя миссия – лечить. Помогать пациенту. А ты... можешь следовать своему долгу, миссии... Или ещё каким-либо там своим соображениям. И ты, и я – свободны. Свобода воли, так сказать... Но вот только что-то мне подсказывает, что вернёшься ты сюда. Прибежишь на следующий сеанс как миленький. По той причине, которую уже и сам начинаешь – может быть, пока ещё неясно – осознавать. Которая сидела всегда в твоём подсознании, а сейчас начинает из него проклевываться, как из яйца.

Домой я вернулся почти трезвым. Осоловелым и скучным. Налил себе чай, включил компьютер. Мигание скайпа.

«Всякие умные книжки говорят, что главная роль женщины вдохновлять мужчину рядом с ней, и бла-бла-бла. Но, кажется, я не умею это делать. Наверное, быстрее какой-нибудь шарфик или шапочку на спицах вязать научусь, чем вдохновлю. Печалька, но так – не надейся. Но, может, просто попросить мне тебя? Очень-очень попрошу, и ты сделаешь, а? Не знаю я, что там, где там, в какой части твоей черепной коробочки, что заставляет тебя делать или идти вперёд, двигаться куда-нибудь, но вот именно на это повлиять я хочу. Просто попросить: раз ты здесь, нужно сделать то, что нужно. А я? Не знаю, что могу сделать я... Но всё, что могу отдать – могу всё отдать. Не так, наверное, много по меркам этого бесконечного мира, но, блин, больше ничего нет у меня...»

Текст, который Маша переслала мне по скайпу, был длинен и бессвязен. Читая его, я отчетливо представлял бутылку «Джек Дэниелса» рядом с ком-

пактным ноутбуком, на клавиатуре которого тонкие пальчики нервно вытанцовывали порывистые и прерывистые фигуры мелкой чечётки. Чи-та-чи-та-та. Та-та-та. Чи-та-чи-та-та. Чи-та-чи-та-та...

«...Я – вся из этого странного тела, которое нравится мужчинам. Из-за которого каждый хочет что-нибудь засунуть в меня. Не что-нибудь, конечно, гы, а конкретный отросток, который в какой-то момент уже перестает быть частью их тела, настолько, что они уже не могут его контролировать. Бредовая картина. Почему вы такие, мужчины? Нет, может, не ты. Но, конечно, и ты, в какой-то мере, тоже. Но со мной ещё хуже, да. Слишком, слишком состою я из одного только этого странного тела!..»

«...Поверила в тебя, как случайно, зацепятся колготки за мелкую, невидную совсем занозочку, и пошла стрелка на всю длину с низа до верха, всю колготочную жизнь распоролла, разделила на до и после. И ходишь по комнате как дура, думаешь, что с этими колготками теперь делать. Решишь уже в мусорное ведро бросить, но потом подумаеть – а под джинсы? Или ещё пару стрелок – и с черной кожаной юбкой, типа «рокерша»? И вернёшься в комнату думать... А распороло-то безвозвратно, как всю жизнь на до и после...»

«...Почему ты такой простой? Мягкий, пухлый, обыкновенный? Ни грамма брутальности или харизмы. Ведь, кажется, это так неправильно, что невозможно. Ты скорее домашняя плюшевая игрушка, медвежонок с заплатами, чем сверхгерой, сверхчеловек, за которым должны идти миллионы и миллиарды. Почему так? Ну почему так?? Смешной ты...»

Прочитав все её послания, я выключил компьютер. Прошёл на кухню, достал из холодильника мороженое. Выложил брикет на блюдце, полил джемом. Даже когда всё летит к черту, когда ты издёрган, поломан и расхристан, как колючая проволока... Ничто так не успокоит и не подарит чувство умиротворения... Ничто так не вернёт тебя в тёплые уголки уютного ощущения детства, как пломбир с вишнёвым или клубничным джемом поздним тёмным вечером, в маленькой тихой квартирке большой безразличной многоэтажки...

16

Игорь Иванович оказался прав. Ближе к вечеру следующего дня я снова стою перед дверью психотерапевта. Перед новой дверью – стальной, с внушительными замками и большим глазком.

– Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Посмотри на свои ноги. Что ты видишь?

– Я ничего не вижу. Очень темно. Хотя постепенно проступают очертания моей одежды и ног в сандалиях.

– Что ты видишь вокруг?

– Я вместе с несколькими мужчинами, моими учениками, поднимаюсь на холм, на склоне которого сад с невысокими масличными деревьями. Ученики останавливаются около большого куста и решают здесь отдохнуть. Я иду дальше, и вместе со мной идут Петр, Иаков и Иоанн. Я оборачиваюсь к ним: «Душа моя скорбит и тоскует. Побудьте здесь со мной». Мы садимся на землю. Петр с Иаковым находят удобные места между корней деревьев. Они жалуются на усталость. Иоанн тоже ложится на землю неподалеку и заворачивается в свою одежду. Я встаю и отхожу к большому плоскому камню. Ложусь на него и молюсь Господу: «Отче мой! Если возможно, да минует меня чаша сия... Но пусть будет на всё не моя, но Твоя воля». Так я молюсь, долго и истово. После этого возвращаюсь к ученикам. Вижу, что они спят. Я бужу их: «Вставайте и молитесь, чтобы не впасть в искушение. Приближается тот,

кто предаёт меня». Ученики просыпаются, вблизи уже слышны шорохи и негромкие голоса. Между деревьев показываются вооруженные люди. Среди них Иуда, который подходит ко мне и дарит мне объятие и целование. Меня окружают люди с мечами. Ученики хотят защитить меня, но я останавливаю их. Оборачиваюсь к первосвященникам, стоящим позади своих вооруженных слуг, и с усмешкой говорю: «Как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы схватить меня. Каждый день я был с вами в храме и учил, и вы не поднимали на меня рук». Вооружённые рабы берут меня за руки и ведут в город. Испуганные ученики разбегаются.

– Хорошо. Давай теперь переработаем эту ситуацию. Ты озабочен и напуган приближающимся испытанием и мучениями – да минует меня чаша сия. И ты снова видишь и осознаешь это несоответствие – твоя жертвенность... а они спят... Твоя жестокая жертва. А тебя предают. И тебя снова точит червь подавленного и загнанного в подсознание вопроса. Потому что с ним – как с белой обезьяной. Чем меньше ты хочешь думать о нём, или даже просто признавать его существование, тем явственнее он шевелится внутри и стремится выйти наружу.

– Какой вопрос?

– Твое подсознание знает. И тебе самому нужно нащупать его и вытащить наружу. В той жизни тебе необходимо принять решение, которое исправит все последующие жизни, включая настоящую. Сейчас мы вернёмся в ту ситуацию. Тыходишь в тёмный сад. Тебя сопровождают только самые близкие люди, которым ты полностью доверяешь и которые никогда тебя не предадут. Вместе с ними ты молишься. Ты спокоен и сосредоточен в своей молитве. После окончания молитвы ты чувствуешь, что твой вопрос нашёл разрешение, и что ты встал на путь, предопределяющий счастливую и правильную жизнь на все твои последующие перерождения. Именно об этом пути ты молился Богу, и твоя молитва была услышана. После окончания совместной молитвы ты вместе со своими близкими людьми выходишь из тёмного сада. Ты выходишь в большой мир для новых дел и свершений, умиротворённый и утверждённый в своём решении. Ты видишь, как вы выходите из сада?

– Да. Мы вместе выходим из сада. Темнота постепенно рассеивается. Светает и наступает утро.

– Ты чувствуешь себя спокойным и умиротворённым?

– Да, я чувствую себя спокойным и умиротворённым. Мы идём вдоль ручья мимо городских стен в сторону моего родного дома.

– Очень хорошо. И тогда нам пришло время выйти из этой ситуации.

Когда я полностью пришёл в себя и переместился с кресла-дивана на стул перед столом Игоря Ивановича, он с довольной улыбкой протянул мне свой планшет:

– Статья на vazhno.ru. Уже пятнадцатая публикация о нашем опыте. Я всё считаю, всё в папочку откладываю... Говорил тебе – звездой станешь.

– Звездой... – словно в тумане повторил я. Но в этом тумане успела промелькнуть мысль о преподавателе актерского мастерства и моих сокурсниках: «Видали, а? Вот вам... Завидуйте теперь...»

Вечером, когда я въехал на машине в свой двор, увидел перед моим подъездом несколько человек. Трое бородатых мужиков в костюмах казаков, двое бритых парней с серыми угрюмыми лицами и несколько старушек. Старушки жарко о чём-то спорили между собой.

Не останавливаясь, я развернулся и выехал со двора. Припарковался в соседнем переулке. Подошёл к зданию с дальнего от моего подъезда торца. По пожарной лестнице поднялся на крышу («НЛО нет», – отметил равнодушно про себя), с крыши проник на чердак и оттуда уже спустился в свой подъезд.

Попав наконец домой, я осторожно выглянул из окна. Старушки продолжали спорить. Один из казаков время от времени вставлял в их спор какие-то веские фразы.

– Может, всё-таки не по мою душу... – тихо проговорил я вслух. – Ну и фиг с ними, – повалился на диван. – В крайнем случае, найду другую квартиру. Хлопотно, конечно, но всё это фигня по сравнению... по сравнению...

Я не закончил свою мысль. Не придумал, с чем – «по сравнению с...». С золотым Моррисоном в космосе, с говорящим крестом, с висящим по ночам НЛО, горящей на костре Леной, с Машей, ублажающей клиентов после религиозного экстаза в церкви? С тем, что я начну писать книгу. Точно – дошло... С тем, что я возьму в руку ручку, возьму толстую тетрадь и начну писать. Книгу назову «Убить зяблика-2. Воскрешение». Я рассмеялся своим мыслям, которые – кажется, успешно – старались соответствовать уровню происходящего вокруг абсурда.

Патруль из казаков и старушек не покидал свой пост – час, другой, третий...

Я позвонил Акраму:

– Приезжай в гости.

– Сегодня не могу. Дела ещё. Может, в пятницу в клуб? Как ты сам вообще?

– Вроде нормально.

– В Интернете читал – вроде Иисус Христос в Москве объявился. Не про тебя?

– Акрам, только не ты...

– Да я так... Любопытно просто. Что ты хочешь вообще?

– В каком смысле?

– Напряжен ты в последнее время, наполнен какими-то навязчивыми идеями. Раньше был проще и расслабленнее... Возвращайся, друг. Раньше было кайфовой.

– Тебе кажется. Ничего я не хочу... Хочу жить простой жизнью обывателя. Ты же знаешь, я никогда не видел смысла в действии. Если бы вместо каждого действия люди выбирали бездействие, наша планета была бы гораздо более благополучным местом.

– Золотые слова, Илья, золотые... Но только я тебе не верю. Два месяца назад ты таким и был, и два месяца назад я бы тебе поверил. Но сейчас ты напряжен и одержим. Поэтому еще раз: возвращайся, бро. Раньше было кайфовой.

– Да, бро. В пятницу в клубе. И ты мне поверишь.

– Заметано.

Я повесил трубку.

Наверное, надо было пораньше лечь спать. Но еще один телефонный звонок случился в тот вечер. «Меня не отпускают», – всхлипывающий голос Маши в трубке.

Проснувшись утром, я в первую очередь подошел к окну. Выглянул из-за шторы. Пусто. Казаки, старушки, гопники исчезли. Или сменили точку дислокации? Хотя спать им тоже ведь нужно...

Я пожарил яичницу, сварил кофе. Снова подошёл к окну. На парковке около белой «Приоры» стоял казак и разговаривал с сидящим внутри водителем. Весело что-то рассказывал, то и дело поднимая правый кулак и кладя левую ладонь на правое плечо. Мне очень захотелось услышать, о чём он так задорно говорил.

Не думал, что снова окажусь перед зданием ночного клуба. Тем более один. Акрама с Магой очень не хватало. Хотя... На самом деле глубоко внутри я чувствовал, что сейчас уже не имеет значения, один я или с доблестными друзьями.

Я подошел к входной двери и дернул за ручку. Меня встретила девушка с безликим макияжем и равнодушным взглядом. Мы с Акрамом уже однажды встречали её здесь.

– Я вас слушаю, – произнесла она с интонацией «мне абсолютно по барабану, что вы мне скажете».

– Мне нужен Олег.

Мы прошли в подвальное помещение. На темных сырых каменных стенах висели закованные в цепи скелеты, все в паутине и истлевших одеждах... Нет, никто там, конечно, не висел – это только мне показалось вначале.

В комнате с двумя тусклыми лампочками в противоположных углах, за заваленным документами и какими-то вещами столом сидел Олег. Он кивнул на стул у стены:

– Приветствую.

– Марии нужна свобода, – я отказался от предложенного стула и остался стоять.

– Пятьдесят штук.

– Хорошо. Я найду и принесу.

– Баксов.

– Баксов?.. – растерялся я. – Это очень много. Не может быть так много. Она никогда столько не заработает... И я... Если бы у меня была квартира, я мог её продать, но я живу на съёмной. Если продам машину и какие-то вещи, может, наберу тысяч десять...

– Пятьдесят.

– Но она же свободный человек. Она ничего вам не должна. Вы снимаете для неё квартиру, но она съедет с неё. В конце концов, она может просто бежать и исчезнуть.

– Без документов? – вопросительно поднял бровь Олег.

– Если она обратится в полицию, вам же хуже будет!

Олег рассмеялся:

– Это ещё почему? Они же к нам её и вернут обратно. Опекунские документы на меня оформлены.

– Как... Она не говорила.

– А она, может, и не знает...

Я попробовал сделать то, что на прошлой встрече заставило Акрама и Магу прислушаться ко мне и изменить свои намерения ради неких высших законов бытия – войти в то же самое состояние «свидетельствования любви». По моим ощущениям, оно определенным незримым образом меняло ежесекундное течение жизни окружающего мира. Даже не совсем «незримым»: когда я находился в этом состоянии, мне казалось, что воздух и очертания предметов начинают слегка подрагивать – словно тронутые мелкой рябью.

– Ладно. Ради тебя – сорок... пять, – Олег сплюнул в урну жвачку, которую до этого жевал. – Если принесёшь в течение недели. Есть ещё вопросы?

Самое главное было – не выйти из свидетельствования любви. В котором окружающие предметы казались плотнее, объёмнее и насыщеннее – они почти оживали. Большие настенные часы с чёрно-белым циферблатом, нелепо выбивавшиеся из классического стиля комнаты. Копилка на столе в виде китайской лягушки. Документы, скрепки, ручки. Книга «Международная торговля». Чёрная барсетка. Небольшой чайник и большая кружка с надписью «Игорь». Две чайных ложечки. Линейка и яблоко. Фотография двух мужчин в рамке. Колесо от офисного кресла. Конверты, брошюры. Пачка сигарет «Marlboro».

– Вижу, вопросов нет. Тогда больше не задерживаю.

Пачка сигарет «Marlboro». Синяя зажигалка. Перочинный нож. Кожаная визитница. Неровная стопка документов. Дырокол. Степлер.

– С тобой всё в порядке? Сам выйдешь, или попросить, чтобы тебя проводили?

Небольшая картина в стиле абстракционизма на стене. Принтер на тумбочке. Горшок с цветком на другой тумбочке. Вешалка с пиджаком на плечиках. Тёмная дверь с царапинами и пятнами...

Я вышел в коридор. Обои темно-бежевого цвета в полоску. Фотографии людей на стенах. Ещё одна дверь. Ручка с завитушкой на конце. Картина в стиле абстракционизма. Я продолжал медленно идти к выходу.

– Молодой человек, не туда. Там кухня, – окликнул меня женский голос. Я обернулся.

– Ах, это вы... – По коридору шла Ольга, но, узнав меня, вдруг неуверенно замедлила шаги. – Илья... Простите, так всё скомканно получилось в прошлый раз. Мне хотелось бы ещё поговорить... Но наши мужчины... – остановившись передо мной, она замялась. – У вас есть минутка?

– Наверное... – так же неуверенно ответил я.

– Так неожиданно вас увидеть сегодня. Что вы здесь делаете?

– Пришел с Олегом поговорить...

– Как хорошо, что вы один, – перебила она меня.

– ...насчет Марии, чтобы освободить, – по инерции договорил я.

– Один... без этих... без друзей, в смысле, – не слушая меня, продолжала Ольга. – Я читала ещё о вас, и об этом психотерапевте – не запомнила, как его... Я верю. Верую... Я очень больна. Нужно оперировать, а я боюсь – слабое сердце. Но без операции уже никак. Можно вас попросить... – она схватила мою руку и приложила её к своей левой груди, провела ею к подмышке, потом назад к соску, который прощупывался под бюстгальтером, и от соска ниже под грудь. – Благословите... Спаси... и сохрани... – из глаз её потекли слезы.

Я ничего не отвечал и не убирал с груди руку, всё ещё находясь в состоянии некоторого транса, в которое меня погружала фраза «свидетельствование любви».

– Сначала думали – так... узелок, киста, – со слезами продолжала Ольга, – а потом так агрессивно всё... Благослови и спаси... – она взяла меня за вторую руку.

– Благословляю, – вдруг тихо, но твердо проговорил я, – благословляю, чтобы болезнь ушла. Пусть уйдет, – я высвободил руки и пошёл по коридору прочь.

«Пусть уйдет, пусть уйдет, пусть уйдет...» – зачем-то продолжал повторять про себя, выйдя на улицу. Продолжал повторять, пересекая насыщенное и контрастное пространство весеннего сквера.

– Вот... – Игорь Иванович, крайне довольный, разложил на столе перед собой два листа – распечатанное электронное письмо. – Смотри, куда нас с тобой приглашают: «Ответ за базар»... Личная подпись Анатолия Поленова. Анатолий Поленов – с уважением. Вот как...

– Кого приглашают? – не сразу понял я.

– Тебя и меня. Психотерапевта и его пациента.

– Анатолий Поленов, который... ток-шоу... Прямо на передачу?

– Да-да, прямо на передачу. Наша история с гипнозом и прошлыми жизнями интригует всех. Целая передача будет посвящена только этой теме, только нам!

– Но я как-то... – У меня неприятно засосало под ложечкой.

– Твой звездный час! – перебил меня Игорь Иванович. – Ты же мечтал стать актером... А станешь сразу звездой. Заработаешь кучу денег. Ну а главное – такой триумф науки! Это же новые горизонты, новые открытия. Переворот в мироздании. Такой шанс упускать преступно. Когда ещё новым научным открытиям предоставлялась подобная трибуна?! За последний месяц самый высокий рейтинг из всех ток-шоу, – возбуждённо продолжал он.

Но я думал не о перевороте в науке. В моём сознании словно кадры на автоповторе крутились воспоминания о последнем занятии по актёрскому мастерству. «Может, тебе отдохнуть от занятий пока... Тем более, что со спектаклем изменения... Твою роль пришлось сократить... Сократить – в смысле совсем сократить... Поэтому с Димой нам придётся поработать... Держись, ты молоток...»

Я выпрыгнул из той кабинки, в которую меня пытаются усадить зрители аттракциона. Не хочу и не могу больше безвольно скользить по скучной линии заранее проложенных рельс. Ведь до настоящего момента я только это и делал – катился в комфортной кабинке по гладкому пути, проложенному для меня кем-то когда-то...

– Спасибо, Игорь Иванович. Да, согласен, это здорово! Вы – молодец! – наконец ответил я.

– Конечно, молодец... Двадцать два материала уже в Интернете о тебе и мне. Ну ладно, хватит хвалиться. Давай работать...

– Меня ведут по улице к большому зданию с толстыми стенами. Я высыпаю на ладонь порошок и слизываю его. Меня заводят во внутренний двор. Здесь несколько солдат в древнеримских доспехах. Из дома выходит мужчина в богатой одежде. Он недовольно спрашивает сопровождающих меня: «Что хотите?» Двое первосвященников выходят вперёд и показывают на меня: «Он развращает народ и подстрекает к смуте. Называет себя Царем и запрещает давать подать кесарю». Пилат обращается ко мне: «Ты Царь Иудейский?» Эти слова болтаются внутри моей головы гулким эхом, пока не заполняют её всю. Я вижу поле пшеницы. Колосья колышутся волнами. Потом вижу лицо наместника. По нему тоже проходят одна за другой медленные и тягучие волны. Я блаженно улыбаюсь: «Ты сказал...» Первосвященники снова начинают что-то кричать, обвинять меня и доказывать Пилату, что я виновен. Он останавливает их рукой и обращается ко мне: «Слышишь, сколько свидетельствуют против тебя? Почему же ты ничего не отвечаешь и не оправдываешься? Ведь если человек не отвечает на обвинения, его могут засудить». Я молча улыбаюсь, потом закрываю глаза. Вижу девочку лет десяти в длинных одеждах, у неё в руках маленький рисунок – чей-то портрет. Я понимаю, что это дочь стоящего передо мной римского наместника. Я чувствую исхо-

дящую от неё доброту и нежность. Мне становится радостно от того, что я её вижу. Я открываю глаза и смотрю на уставшее и рано увядшее лицо её отца. Встречаюсь взглядом с его словно покрытыми поволокой тёмными глазами и вижу в них удивление и недоумение. Пилат поворачивается к первосвященникам: «Я не вижу вины на нём». Но первосвященники и старейшины непреклонны в своём упорстве. На улице около здания собралось уже много людей, созванных и подстрекаемых книжниками. Пилат выводит меня перед ними и говорит: «На праздник я отпускаю одного узника, которого выбирает народ. Вот есть Варавва, известный разбойник, и Иисус, называемый Христом. Кого хотите, чтобы я отпустил вам?» – «Варавву, отпусти нам Варавву» – слышится со всех сторон. «Что же мне тогда делать с Иисусом, называемым Христом?» – «Да будет распят!» – кричат с улицы люди. «Какое же такое зло сделал он, что хотите такой жестокой расправы над Ним?» – удивляется Пилат. Но все только кричат: «Распни его! Распни его!» Тогда Пилат берёт воду и умывает руки перед людьми: «Смотрите же, невиновен я в крови Его».

Солдаты выводят из подземелья оборванного бородатого мужчину со злым взглядом и отпускают его. Он выходит на улицу к толпе и радостно смеётся. Те же солдаты берут меня за руки и ведут в подземелье вместо разбойника. Я сажусь на каменный пол небольшой каморки.

– Хорошо. Давай теперь переработаем эту драматическую ситуацию. Мы уже говорили, и ты сам убедился в эффективности эмпатии и уважительного сотрудничества как наиболее успешной поведенческой модели в различных ситуациях в обществе. И сейчас тоже подходящий случай для её использования. Вместо наркотических галлюцинаций и вызываемых ими странных фраз, вместо высокомерного молчания, накаляющего обстановку – доверительный диалог для выстраивания партнёрских отношений. Давай вернёмся в тот двор и всё исправим. У тебя нет никаких наркотических средств, твоё сознание кристально чисто. Ты снова в окружении еврейских первосвященников, их слуг, римского прокуратора и его солдат. Для каждого из них у тебя найдется доброе слово и общий интерес. И с каждым из них ты способен выстроить доверительные партнёрские отношения... Расскажи, что происходит?

– Первосвященники и их слуги вводят меня во внутренний двор здания с толстыми стенами. Из дома выходит мужчина в богатой римской одежде и недовольно спрашивает: «Что хотите?» Двое первосвященников выходят вперёд и показывают на меня: «Он развращает народ и подстрекает к смуте. Называет себя царем и запрещает давать подать кесарю». Пилат обращается ко мне: «Ты Царь Иудейский?» Я отвечаю: «Был бы царём иудейским, не здесь и не так встречались бы мы». Наместник смеётся и потом спрашивает: «Почему же они свидетельствуют против тебя?» – «Пожалуй, хотят тебе доверие и свои дружеские намерения показать. Но свидетельствовал однажды пастырь хозяевам о пропавшем агнце, а позже увидел его в стаде. А хозяева уже по всем соседним селениям послали слуг агнца искать». Пилат снова смеётся и поворачивается к первосвященнику. «Если так, то с удовольствием принимаю ваши знаки внимания и доверия. И от себя заверяю в уважении и дружбе. И ваша жертва в виде этого мудрого человека, – он кивает на меня, – здесь не нужна». Первосвященники переглядываются. Вдруг один из них берёт меня за плечо и ведёт к людям, собравшимся на улице перед зданием: «Пусть тогда всем этим людям подтвердит, что он не Царь Иудейский, не сын благословенного, и нет у него власти разрушать храм и закон». Я смотрю на зевак, подстрекаемых книжниками, бездушных в своей готовности хоть к расправе и зрелищу, хоть к лицемерному благочестию и милосердию.

Я говорю им: «Не пришёл бы я к вам в великий праздник, чтобы сказать, что я Царь Иудейский и сын благословенного, и что разрушу я храм и закон. А кто совершил бы такое с вами, стоящими теперь здесь, был бы поистине безумцем». «Невиновен он», – кричит кто-то из толпы. И все остальные подхватывают: «Невиновен он. Отпусти его нам. Отпусти нам Иисуса». Я прощаюсь с Пилатом и вместе с первосвященниками выхожу из двора к людям. Иду вместе с ними по дороге. Они продолжают рассуждать: «Невиновен он. Как мы могли подумать, что виновен?» Люди постепенно расходятся, и я сворачиваю к городским воротам, чтобы покинуть негостеприимный город и вернуться в родное селение.

– Теперь ты доволен тем, как разрешилась эта ситуация?

– Да, я доволен тем, как разрешилась эта ситуация.

– Отлично, тогда нам пришло время покинуть тот день и переместиться в другое важное для тебя воспоминание из твоей прошлой жизни. Раз. Два. Три. Четыре. Пять.

Щелчок пальцев.

– Посмотри на свои ноги. Что ты видишь?

– Мои босые ноги на каменном полу. Вокруг меня римские солдаты. Они насмеются надо мной: «Это тот, который назвал себя Царем Иудейским? Что же он так бедно одет?» Они срывают с меня одежду. Потом накидывают на меня старый красный солдатский плащ, а на голову натягивают венец из терна. Его острые шипы вонзаются мне в лоб и в кожу головы. Мне очень больно. Потом один из воинов вкладывает мне в руку трость. «Вот теперь ты похож на Царя», – смеётся он и становится передо мной на колени. Остальные тоже преклоняют колени и делают вид, что поклоняются мне: «Хвала тебе, Царь Иудейский! Радуйся, великий Царь Иудейский!» Потом первый поднимается на ноги и плюет мне в лицо. Остальные тоже поднимаются и тоже плюют на меня. Один выхватывает из моих рук трость и начинает бить меня ею по голове, приговаривая: «Плохой из тебя царь, плохой царь». Я закрываю глаза и тихо говорю: «Господи, пусть свершится скорее».

– Давай переработаем эту ситуацию. Ты должен осознать, что она сама по себе ошибочна, и её не должно быть. Вспомни, что Понтий Пилат отпустил тебя, и теперь всё твоё будущее исправлено и развивается по другому сценарию. Поэтому сейчас мы вернёмся в то подземелье. Ты стоишь на каменном полу, и тебя окружают римские солдаты. Римские солдаты должны выполнить приказ Понтия Пилата и отпустить тебя на волю. Они выводят тебя из подземелья во внутренний двор. Ты видишь это?

– Да, я вижу, как римские солдаты ведут меня по каменной лестнице наружу. Мы выходим во внутренний двор большого здания.

– Хорошо. Солдаты выводят тебя во двор, а потом из двора – на улицу и отпускают. Ты это видишь?

– Да. Солдаты выводят меня во двор, а потом со двора – на улицу. Я иду в сторону городских ворот, чтобы покинуть негостеприимный город и вернуться в родное селение.

– Мы убрали чувство боли из той ситуации. Сейчас ты удовлетворен тем, как она разрешилась?

– Да, я удовлетворен тем, как она разрешилась.

– Тогда нам пришло время выйти из той ситуации и той жизни и вернуться в кабинет психотерапевта...

Открыв глаза, я огляделся по сторонам и сел:

– Спасибо, Игорь Иванович.

Потом быстрее обычного встал с кресла и подошёл к письменному столу. Достал из бумажника деньги и, положив их перед психотерапевтом, ещё раз поблагодарил.

– Как ты себя чувствуешь? Не надо так быстро вскакивать, не беспокойся так о деньгах... – неуверенно проговорил Игорь Иванович.

– Я отлично себя чувствую. Всё в порядке, спасибо. Только я не смогу участвовать в ток-шоу. Извините. До свидания, – не дожидаясь его ответа, я быстро вышел из кабинета.

17

Утром следующего дня православные казаки появились около бизнес-центра, в котором находился офис нашей мебельной фирмы.

Четверо. Они узнали меня, когда я подходил к парадному подъезду.

– Молодой человек, давай поговорим... – бросились наперерез, пытаюсь не допустить моего проникновения в здание. Но я успел. Приложил карточку к считывающему устройству турникета и проскочил между его массивными блестящими бедрами на охраняемую территорию. Они тоже попытались проникнуть. Один из них хотел было даже перепрыгнуть через турникет, но свистел свисток охранника, выскочившего из своей каморки с затонированными стеклами.

Наверное, это было кстати... Потому что белый листок с заглавием «Заявление по собственному желанию» витал в моём воображении все последние дни. К обеду он материализовался и лёг на стол директора.

После обеда я вышел во двор здания. Стараясь не привлекать внимания, пробрался в дальний его угол, где размещались хозяйственные постройки бизнес-центра и куда сотрудников фирм-арендаторов не допускали. Забрался на газовую трубу, с неё – на бетонный забор и спрыгнул на другую сторону.

Break on through to the other side...

Break on through to the other side...

Made the scene

Week to week

Day to day

Hour to hour

The gate is straight

Deep and wide

Break on through to the other side...

Break on through to the other side...¹

– Господи, что вы тут все из кустов выскакиваете... – испуганно охнула шедшая по тротуару старуха и угрожающе подняла на меня свою клюку. Я извинился и быстро зашагал по аллее прочь.

¹ Прорвись на другую сторону...

Прорвись на другую сторону...

Тусовались

Неделя за неделей,

День за днем,

Час за часом.

Ворота прямо

Глубоки и широки.

Прорвись на другую сторону...

Прорвись на другую сторону...

Я шагал и думал о том, что когда всё летит к чертям, а ты в это время пишешь книгу – самое лучшее, что можно придумать – укрыться в какой-нибудь богом забытой кофейне в той части города, где ты не был последние лет двадцать, сесть за самый дальний столик – и писать, писать... Нет... даже не так. Ещё глобальнее: когда всё летит к чертям и ты даже не успеваешь осознать происходящее, самое лучшее, что можно сделать – начать писать обо всём этом книгу – спрятавшись за самым дальним столиком всё той же, забытой тем же самым богом, кофейни...

Я шагал в ту часть города, где, кажется, никогда не был. Шагал, потом ехал. Потом снова шагал. Чувствовал необъяснимую лёгкость во всём – в движениях тела, в мыслях, в настроении. Ничего не ощущал за спиной, кроме свободы и пустоты.

Это ощущение исчезло, как только я сел в удобное кресло в углу кофейни – не настолько забытой богом, как хотелось бы (больше половины столиков были заняты), но в остальном вполне меня устроившей. Когда я сел и выложил на стол купленные по дороге тетрадь и ручку, на меня нахлынули мысли о Маше. Точнее, больше не о ней самой, а о двух цифрах: 45 000 и 50 000. В обеих цифрах чувствовалось что-то такое холодное и неприятное... можно даже сказать, бездушное и бесчеловечное...

У меня на депозите «на черный день» хранилось три тысячи долларов. Оставалось ещё сорок две тысячи. Четыре, два и три нуля – словно обратная геометрическая прогрессия. «Четыре... два...», и после них – эти навязчивые нули. То, что геометрическая прогрессия была обратной, как-то немного утешало и почти радовало. Но расплодившиеся нули выглядели отвратительно...

Я откинулся на спинку мягкого кресла и думал. «Казино? Лотерея? Ограбление? Нет. Точно нет. Хотя если у банка... Банк не жалко. Лена и Ирочка? Возможно, если бы они сложились вместе, то могли набрать такую сумму. Акрам? Нет, у него вряд ли найдется. Ломбард? Только что я могу предложить ломбарду? Кредит? На потребительские нужды... Сто тысяч рублей, в лучшем случае – двести.

Никакого принципиального решения ситуации не находилось. Может быть, из всех источников понемногу? Но к Лене с Ирочкой я не посмею обратиться. Не хватит смелости и совести. Казино. Лотерея. Ограбление банка.

Сорок пять тысяч. Одна неделя. Или потом – пятьдесят. Хотя для этой суммы пять тысяч уже почти не имеют значения, плюс-минус, туда-сюда... Казино. Лотерея. Ограбление банка...»

Усилием воли вернул туловище в вертикальное положение, облокотился о стол. Взял в руку ручку. Придвинул к себе тетрадь...

Я пишу. Пока даже не роман, а всё подряд, что приходит в голову – чтобы «набить руку», «расписаться», вспомнить, как это – писать о том, что думаешь.

Периодически за баром металлическим рёвом взрывается то ли блендер, то ли кофемолка. С ним (или с ней) явно что-то не то – звук слишком громкий и механический. Возможно, крепления его ножей разболтались, и теперь гремят они с безысходным безумием в стеклянной чашке. Вот-вот они совсем оторвутся и под действием огромной центробежной силы полетят прямо в мой угол, чтобы воткнуться в мои запястья и пригвоздить меня к стене. Я думаю, вероятность этого высока, и с каждой следующей минутой, проводимой мною здесь, она всё увеличивается. Но я продолжаю сидеть. Продолжаю писать. «Зачем так подвергать себя опасности?» – спрашиваю я сам себя, но ничего не могу сказать в ответ.

– Может быть, вам что-то ещё принести? – спрашивает официантка. Кажется, немного нервничает, что я уже третий час ничего не ем (только медленно посасываю самый дешевый чай), и что столик, за который она отвечает, не принесёт сегодня достаточной выручки. «Вдруг выгонят?» – обдает лёгким холодом мысль. С другой стороны, я уже очень голоден. Заказываю сэндвич.

Официантка уходит, и я продолжаю писать. Почему-то больше всего пишу о Лене. О том, что она похожа на мою маму. Может быть, в Лене действительно существовал некий психологический типаж, благодаря которому она называла себя «матерью всех матерей»? Являлся ли он врождённой частью её личности, или она целенаправленно возвращала его в себе долгое время? Возможно, благодаря именно этому её свойству мы так легко сошлись? Да и вообще с ней почти всё было легко – почти до самого последнего времени. Если бы только не мои ночные кошмары, которые – как заметил Игорь Иванович – действительно начались с момента переезда Лены в мою квартиру. Хотя, кроме нынешних кошмаров, похожие события происходили и в моём раннем детстве. Я до сих пор хорошо помню то необыкновенное ощущение ужаса, не имевшее рациональной причины: предшествовавший ему сон всегда был абстрактен и бессюжетен. Я не видел чудовищ, меня не преследовали страшные звери, бандиты или маньяки. Чувство запредельного, бесконечно-ужаса вызывалось белым цветом неба и растягиванием серебряной нити в космосе. Я кричал, задыхался, метался по кровати и долго не мог вырваться из жуткого мира сна, даже когда чувствовал мягкие мамины руки, обнимавшие меня. Позже мама рассказывала, что меня несколько раз показывали разным врачам, и даже хотели поставить на учет в психоневрологический диспансер, но кошмары неожиданно прекратились.

Через тридцать лет они вернулись, вскоре после того, как Лена переехала ко мне на квартиру. Теперь её мягкие руки обнимали меня, когда я, наблюдая в своем сновидении за утончающейся серебряной нитью, начинал орать от дикого ужаса. «Мать всех матерей» тёплой полноватой ладонью гладила мой лоб, щёки, плечи. Возможно, в такой момент она представляла, что я – её ребенок? «Матери всех матерей» был очень нужен свой ребёночек. Почему-то именно на меня – самого неподходящего кандидата на отцовство – она возлагала большие надежды. Но я их беспардонно порушил. Куда пойдет она теперь, где будет искать свой фэн-шуй? Где «материнство всех матерей» найдет свой дом ребёнка? Думая об этом, я проживал в себе еле заметные пунктиры своих будущих путей, на одном из которых однажды мог появиться след от Лениной босой ноги. Может ли быть в мириадах земных ландшафтов тёплый уголок семейного уюта, уготовленный мне? И что произойдет, если поглотит меня его мягкое чрево? Руки, обнимающие жену и детей, сцепляются в круг – для креста их уже не выпрямить. Щёки подставлены для поцелуев детей, а не предателя. Быстро сменяющиеся образы представлялись мне блеклыми картинками-заданиями из детского журнала, нарисованными лёгким пунктиром: «Обведи точки линией и раскрась. Какой рисунок у тебя получился?»

Официантка приносит сэндвич, и я набрасываюсь на него со здоровым аппетитом. К сэндвичу приложена небольшая горка картошки «фри» и веточка петрушки. Мерный «хруп-хруп» поджаристых корочек вдруг вытаскивает из памяти хрустящее на звук – словно капуста – 45 000.

Два последующих дня я попадал в свою квартиру всё тем же сложным путём через пожарную лестницу и чердак. Начал подыскивать варианты од-

нокомнатных квартир в аренду, но был неприятно удивлён ценами... Однако на третий день я заметил, что осада спала. Наблюдательный пост религиозных активистов исчез. Возможно, они решили, что адрес неверен – если ни разу не удалось меня встретить. Возможно, просто устали, или ушли ещё по каким-то важным делам – для меня это уже не имело значения. Из осторожности я ещё несколько раз покидал жилище и возвращался в него своим тайным путем. Внимательно, с разных точек обзора, оглядывал двор и окрестности, но ничего подозрительного не находил.

– Пойдем в клуб или не пойдем?

Вечером в пятницу мы с Акрамом никак не могли решить этот вопрос. Обсуждали его, сидя в кафе на Цветном Бульваре.

– Ты – молодец, что собрался. Что взял себя в руки... – задумчиво оглядываясь по сторонам и одновременно похлопывая меня по плечу, говорил Акрам, – всё будет хорошо, дорогой. Всё будет хорошо...

– Ты о чем? – Я посмотрел на него с некоторым подозрением.

– Обо всём, Илья, в целом... Об общем течении событий и раскладе вещей. Жаль, Маге не выгорело дело, а так всё хорошо, всё замечательно... Но ничего – в следующий раз сложится...

– Извини.

Акрам вопросительно поднял на меня красивые глаза.

– Ну... что испортил Маге тогда... Уговорил вас смириться и отказаться от войны... И ему в результате не выгорело.

Акрам снова задумчиво посмотрел по сторонам, потом перевел взгляд на меня, кивнул и улыбнулся:

– Ты хороший, Илья... Хорошие слова говорил... И нам надо было тебя послушаться.

– Так вы же и послушались...

– Мы послушались... но – других... А надо было – тебя.

– Кого «других»?

– Не могу сказать. Да и не в этом суть. Суть в том, что хозяева клуба отбились... С-суки.

– Что ты имеешь в виду?

– То и имею. Важные люди оказались с ними завязаны. Гораздо выше, чем мы предполагали. И они их не сдали. Мага со своими командирами мог бы, конечно, ещё давить, но это было рискованно – грозило перейти в слишком большую войну. Так что Магины командиры переговорили с кем надо с той стороны и подписали декрет о мире. Ну и после этого дали Маге указания – согласиться на компенсацию и полюбовно разойтись. Позвонили они как раз во время встречи. И мы с Магой их послушались. А надо было тебя послушаться. Большая разница тогда была бы в причинах, мотивации и замысле. При всех тех же самых исходных данных и конечных результатах – история получилась бы совсем другая – высокая и красивая... Так что в следующий раз тебя буду слушать.

– Значит... Значит... – я был настолько раздавлен навалившимся разочарованием, что не смог продолжить фразу.

– Илья, дорогой, не бери в голову. Таков этот мир... Проблема не в замысле, проблема – в реальности. В том, что реальность не справляется с замыслом. Мы привыкли считать, что мысли неустойчивы, иррациональны и непостоянны... Но на самом деле наоборот – реальность в гораздо большей степени иррациональна и неустойчива, чем замысел. Реальность...

Философский порыв Акрама был прерван звонком на его мобильный телефон. Он посмотрел на высветившийся на экране номер, едва заметно улыбнулся и принял звонок:

– Да, милая... Всё хорошо, как ты?.. Пока не знаю. Встречаюсь с другом, а ты?.. Давай я тебе перезвоню через некоторое время... Да, хорошо... Не скучай... – Акрам убрал трубку.

Это был второй шок для меня за несколько минут. Если бы моя челюсть могла, как у каких-нибудь мультипликационных героев, отвисать до пола, а глаза – выскакивать из орбит, то именно это случилось бы с ними в тот момент. Я ни разу в жизни не слышал подобного диалога между Акрамом и представительницей женского пола; его просто невозможно было представить.

Акрам, заметив перемену в моем лице, поспешил прокомментировать случившееся:

– Познакомился с девушкой... Представь, тоже из Алма-Аты. Отец – чеченец, мать – русская. Имя красивое – Луина. Так... Ничего серьезного... Но – хорошая девушка... Приятно пообщаться... Почему бы и нет? Да ведь?

– Да, конечно... Почему бы и нет... – неуверенно согласился я.

– Вот и я так подумал...

Мы замолчали. В помещении кафе, наоборот, стало заметно шумнее. Количество пьяных, веселых и громких людей незаметно, но неуклонно росло. Официанты перемещались по залу с возрастающей скоростью и с уменьшающейся логикой передвижений. Акрам терзал стейк. У меня же аппетит пропал, и, отодвинув в сторону тарелку, я маленькими глотками отпивал горячий чай:

– Мне нужно много денег.

– Сколько?

– Пятьдесят тысяч долларов. Выкупить Марию у Олега из клуба. Я не прошу у тебя в долг. Знаю, что у тебя столько нет, да и мне потом не рассчитать... Просто делюсь, с тайной надеждой на какой-нибудь гениальный совет.

– Много, – равнодушно согласился Акрам и покачал головой.

– До хренища много...

– Хотя для тебя... – Акрам зажмурил один глаз, словно прикидывая что-то в уме. – Пятьдесят тысяч... Для тебя сейчас... Какие проблемы?..

– В смысле? – переспросил я, не понимая.

– Про тебя уже куча новостей, что ты – новый Иисус. Иди проповедуй, излечивай... Кого-нибудь уж точно излечишь... Таблетка-плацебо работает в десяти случаях из ста, а у тебя – личный контакт, вера в чудо – будет работать в тридцати. Пойдут жертвования... За пару месяцев наберёшь нужную сумму. На остальные – домик купишь, где-нибудь недалеко за МКАДом, машину поменяешь... Я к тебе бухгалтером пойду, или хотя бы секретарем. Нормально ведь?

– Акрам... Тебе только шутить, блин... – я закрыл руками лицо.

– Я серьезно... Извини, может, это обижает какие-то твои религиозные чувства, но с коммерческой точки зрения у тебя сейчас фантастические возможности. Я действительно так думаю. И буду счастлив стать твоим бухгалтером.

– Акрам... – почти прорычал я.

– Молчу... Хотя это, конечно, потребует от тебя смелости и внутренней силы. Всё... Точно молчу...

Чувствовал себя словно пьяный. В какие-то моменты забывал, что возвращаюсь домой. Мутное стекло вагона метро, и я – то ли с той его стороны, то ли с этой. «Чем питаются “морские коттики?”» В голове вдруг завертелся сюжет из виденной на днях телепередачи об элитных подразделениях

американского спецназа. «Чтобы иметь хорошую физическую форму и красивую мускулистую фигуру, как у “морских котиков”, можно есть всё, что угодно. При условии, что ты – “морской котик”, и у тебя соответствующая физическая нагрузка, благодаря которой за день сжигается пять-шесть тысяч твоих калорий». Я напряг бицепсы и грудь, подтянул живот. Сбросить бы лишний вес...

Наверное, нужно было пойти в ночной клуб в тот вечер. Залить в себя какой-нибудь алкоголь, прыгать и танцевать. Потом – ещё алкоголь, и ещё танцевать, ещё алкоголь, и примоститься на кресле или стуле где-нибудь в углу. Дремать. Не думать. Не видеть, но созерцать свои внутренние алкогольные видения. Под утро блевать в туалете клуба, стоя на коленях перед белоснежным унитазом, поддерживая руками раскальвающуюся от боли голову... Но я не пошел в клуб в тот вечер, и чувствовал себя гораздо хуже, чем если бы пошел. Чувствовал себя плохо везде – пока пытался добраться домой, пока брёл, ехал, брёл, стоял, брёл, и потом, в тесных тёмных стенах своей квартиры... Когда идти мне к трели колокольчика? Куда идти мне? И где искать этот колокольчик? Его звук так тих.

Потом я включил компьютер, вошёл в скайп. Короткие и длинные очереди выстрелов-сообщений от Маши:

«Блин, ну как же мне тебя вдохновить всё-таки?! Неужели придётся читать журнальчики со всякой лабуденью про женское вдохновение?!...»

«...Ты знаешь, я готова помогать тебе во всём, быть твоим ассистентом, секретарем, Магдалиной – кем угодно...»

«Хорошо, – с невольной усмешкой отметил я, – объявление о вакансии секретаря теперь уже точно можно не давать».

«...Ты не представляешь, скольким людям нужно исцеление! Скольким людям ты мог бы подарить счастье?! А-а?!...»

«В этом мире так много неправильного!! Так много!!! Почти всё неправильно!!! А тут такой шанс исправить!»

«Я терплю. После своей квартирке вернуться в казарму тяжело. Подралась ночью. Стыдно так. Хотя не виновата я, но всё равно. Нельзя так. А казарма живёт. Всё своим строем, своим шагом. Хотя зря так я. Здесь тоже любовь. Тоже спасение. Более честное, чем в квартирке. А силы придут. Здесь другие силы нужны, более простые. И это уже хорошо. Не драться. Смиряться. Подставлять щёку. Обе. Просто ведь, просто. Да же?»

Марьиванна мстит за что-то. За всё хорошее, наверное – за квартирку, шикарный быт. Это я её Марьиванной зову. На самом деле Софья Галановна. Хоть бы не было её. Вообще на свете. Много могло быть по-другому. Или нет. Я снова пролезла в компьютерный класс – как тогда, когда мы с тобой познакомились. Умею скрепками открывать замок. А сигнализация уже давно не работает. Вспомнила, как познакомились тогда, накатили романтические чувства...(смайлик)».

Потом я лежал на полу, лицом вниз, руки в стороны, ноги – как придётся. Лежал на полу и не мог даже плакать. Почему-то хотелось куда-нибудь ползти. Без помощи рук и ног – червем, извивающимся, содрогающимся, сокращающимся-растягивающимся во всю длину.

Телефонный звонок заставил вздрогнуть. «Кто так поздно? Зачем?» Накатила холодная вязкая волна дурного предчувствия. Я поднялся с пола, вышел в прихожую на звук мелодичной трели. «Где-то в одежде». Прощупал висящую на вешалке куртку – нет. Значит, в джинсах. Выудил мобильник из

узкого кармана, посмотрел на экран. «Михаил Анатольевич Актёрское». Нажал на зелёную кнопку.

– Илья, здравствуй! Прости, что поздно. Однако вопрос срочный, да и подумал, что тебе будет приятно... В общем, у меня опять немного поменялся сценарий спектакля, решил ещё одного персонажа на первый план вывести, и в связи с этим хочу тебя пригласить на эту роль. Фактически – на главную роль. Дадим широко анонсы, сделаем этот спектакль громкой городской постановкой, а может, и не только городской... Что скажешь?

Я не отвечал. «Иди проповедуй, излечивай... Таблетка-плацебо работает в десяти случаях из ста, а у тебя – личный контакт, вера в чудо – будет работать в тридцати из ста. Пойдут жертвоприношения...»

– Алло! Илья? Не слышно...

– Вы увидели новости про меня? – наконец спросил я.

– Да, это очень интересно. Жаль, что ты мне раньше ничего не рассказывал. Я вот думаю что-то из твоей истории тоже в спектакль вставить, почему бы нет? Надо встретиться, обсудить.

– Вы хотите воспользоваться моей теперешней скандальной известностью?

– Ну... В какой-то мере... Это действительно может пойти на пользу – и тебе, в первую очередь, как актеру, и всей постановке, конечно. Поговорим ещё при встрече. Приезжай завтра, всё обсудим.

– Я не приеду.

– Почему?

– Больше не хочу заниматься актёрским мастерством.

– Что ты... Даже так? – с наигранным изумлением в голосе переспросил Михаил Анатольевич и тут же увлечённо продолжил: – Я понимаю, такое иногда бывает со всеми, поверь мне, но...

– До свидания, – перебил я его и положил трубку.

«Лечь снова на пол? Ползти, без рук, без ног, наивным трогательным червяком, с неуверенными и вымученными движениями, но свободным?»

«Что делать мне, Мария?» – набрал в чате Маше, чья иконка показывала «не в сети», но потом стёр, не отправив. Вместо этого предложил встретиться.

18

У Маши в распущенных волосах – цветы. Какие-то экзотические, похожие на ирисы, только меньше. «Как они умудряются там держаться?» – невольно задаюсь вопросом.

– Красиво, – лёгким небрежным движением руки рисую в воздухе круг – вроде как символизирующий то ли её голову и всё, что на ней, то ли нимб.

– Спасибо, – Маша шмыгает носом в ответ.

– Как они умудряются там держаться?

– Невидимки.

– Почему? Эти цветы довольно хорошо видно...

– Заколки-невидимки...

Мы рассмеялись. Потом медленно обнялись. Молча и неторопливо пошли по аллее, но вскоре Маша порхнула к лавочке и присела на край:

– Чего ты ждёшь? – Беззаботно улыбнулась.

Я пожал плечами, сел рядом с ней.

– Не про скамейку я, а глобально – чего ты ждёшь?

– Ничего. Это ты как будто от меня чего-то ждёшь.

– Как будто ты не понимаешь... – шумно выдохнула.

Помолчали.

– Хочешь меня вдохновлять? – спросил я.

– Бр-р-р... Ты прочитал всю ту фигню...

– Зачем ты мне пишешь, если потом жалеешь, что я это прочитал? – усмехнулся я.

– Прямо в точку, поймал-поймал... – хихикнула в нос. – Но ты так и не ответил, чего ты ждёшь.

– Не жду. И не хочу ничего ждать. По-моему, это самое глупое занятие в жизни – что-то от неё ждать...

– Я о другом, – перебила Маша.

– Я понимаю. Но на самом деле это ты чего-то ждёшь от меня, из каких-то своих фантазий. Прости, если обманываю твои ожидания, но я – всего лишь простой чел, которому ничего не нужно, кроме права на свой маленький тихий уголок мирной жизни. Всё. Точка. Таков я, и дай мне возможность быть собой – обыкновенным, не блестящим никакими талантами парнем по имени Илья. Можно мне быть Ильёй?

– Туфта, – фыркнула Маша.

– Я обыкновенный парень по имени Илья, – повысив голос, продолжал я, – семнадцать лет проработал на одном и том же месте, без повышения по службе, без карьеры, без достижений и подвигов. Просто потому, что мне нравится такая жизнь. Нравится простая работа, простой отдых. После работы посидеть с друзьями в кофейне или в баре, поболтать, выпить пива. В пятницу сходить в клуб, выпить, потанцевать с девушками. На выходные посмотреть какое-нибудь новое кино, что-нибудь почитать. Потом – понедельник, и всё по новой... И пусть так продолжается – ещё долго-долго... Это ведь неплохо, разве нет?

– Туфта, – снова шумный выдох через нос. – Тогда бы с тобой не произошло это всё. И ты мне сейчас рассказываешь красивую байку о счастливом мажоре, но внутри у тебя на самом деле червячок, который грызет и точит, и хочет докопаться до всего. Которого ты своей гладкой историей хочешь заглушить и усыпить, но так просто его не успокоить. Есть ведь у тебя этот червячок, сознайся! – Маша больно ткнула меня локтем в бок.

– Есть. Даже не один. Роятся там время от времени. Но, может, их просто глистами зовут. Может, все они – только иллюзия, болезненное воображение.

– Врёшь. Не думаешь ты так, я знаю.

– Хорошо. Хочешь знать, что я думаю? Действительно хочешь? Я думаю, что человеческое общество – это невменяемый пьяница в вечном похмелье и в вечном поиске бутылки. И я не представляю, как этого пьяницу в таком состоянии заставить добровольно пройти по дороге хотя бы несколько осознанных шагов, не говоря уже о каком-либо пункте назначения. Так что – пусть бессмысленно бродит туда-сюда, ему так безопаснее... Какие к черту вторые пришествия, суды и всё остальное?! Может быть, тогда, в той жизни, если я действительно был Иисусом и обещал вернуться для суда, я просто не считывал на изобретение телевизора... Какое с телевизором возможно второе пришествие? Какой суд?

– По-моему, ты слишком зациклен на технологиях.

– Да, может быть! – я поднялся со скамейки. – Может быть... И, возможно, на самом деле всё гораздо проще – в сто раз проще! Может быть, всё дело просто в том, что я за все свои перерождения просто разлюбил людей? Просто разлюбил? И без этого я ничего не смогу. И зачем тогда всё – без этого?

– Да, зачётная версия, – тихо проговорила Маша и отвернулась. Я снова сел. Мы замолчали.

Через несколько минут Маша вскочила со скамейки. Повернулась ко мне, потом от меня, снова села. Вся из себя – порывистый ветер. Но – потерявший вдруг направление, а потом и напор; флюгер неожиданно застывает в непредсказуемом положении – кажется, что он сломался и замер так навсегда. Но когда через несколько минут его стрелка вдруг оживает, начинает снова дрожать, поворачивается в одну сторону, в другую, в третью – словно ищейка направляет кончик своего носа на малейшее, но правильно уловленное дуновение – возникает ощущение чуда.

– Туфта, – повторила Маша тихо. – Как-то всё не по-настоящему. Всё, что ты говоришь. Всё не о том! А о чем надо – сказать не могу. Чувствую всё, но сказать не могу.

Я обнял её. Она не отстранилась, но и не раскрылась навстречу. Быстро поцеловала меня в щёку – как-то необычно: я одновременно почувствовал и тёплую нежность, и холодную отрешенность – и отвернулась.

– Может, по пиву? – спросил я.

– Может, – откликнулась равнодушным эхом.

Мы встали со скамейки и продолжили путь по аллее.

– Меня отпустили, – после долгого молчания тихо проговорила Маша и достала из сумочки паспорт. – Вот.

– Как отпустили? Кто? Почему?

– Что, без твоего разрешения не должны были отпускать? – скривила презрительную гримасу.

– Нет, в смысле... Они требовали выкуп за тебя, огромный – пятьдесят штук.

– Ты им разве не заплатил?

– Откуда у меня такие бабки?!..

– Шучу. Знаю, что ты святой бессребреник. Ольга заставила Олега отпустить меня. Ты ей там что-то вырезал – как Иисус или филиппинский хилер, и она теперь вся из себя святая святоша.

– Вырезал? – как совершенный тормоз повторил я.

– Вырезал... Вылечил... В общем, что-то там... Теперь она родилась заново и светится от здоровья. Ищет тебя, чтобы спросить благословения уйти в монастырь.

– Но как... Не может... Не может такого быть. Я только подержал её за грудь... Сочиняешь ты всё, – оборвал я сам себя и резко повернулся к Маше, – сочиняешь! Пожалуйста, скажи серьезно, что произошло.

Машин смех рассыпался мелким горохом:

– Про благословение и монастырь действительно насочиняла... Ольгу – в монастырь... Да уж... Смешно представить. Но про остальное – нет, – вдруг прекратила смеяться и за одно мгновение превратилась в серьезную задумчивую девушку, с достоинством оглядывающую окрестности, – хотя слышала всё обрывками, что-то от Олега, что-то – от Васьки.

– Кто такой Васька?

– Такая. Василиса – знакомая одна, из клуба. В общем, с Ольгой что-то серьезное и важное произошло. За сиськи, говоришь, подержал?

– Блин, не в том смысле. Вообще... – я запустил пальцы в волосы, сжал голову, отошел от Маши к лавочке на аллее, сел.

Маша приплелась за мной – то ли виноватым ребёнком, то ли побитым щенком, села рядом. Взяла меня за плечо, но тут же отпустила.

Наверное, так падают тунгусские метеориты. Вспышка через небо, гул, взрыв, и потом опять тихо – ещё тише, чем было... Ещё тише...

– Может быть, тебе ещё что-нибудь рассказать? – тихо спрашивает Маша через несколько минут.

– Рассказать? Нет, ни в коем случае...

Снова молчим. Снова идём по аллее. Неторопливо, сосредоточенно. Я почему-то обращаю внимание на каждого прохожего. На детали одежды, мимолётные жесты, мимику, случайные движения. Так в кино режиссёр с монтажёром вырезают кадры с важными для них подробностями, чтобы вклеить в ленту с фильмом. А остальные подробности? Куда деваются? Куда исчезают? Умирают без внимания?

Я замедляю шаг. Задаю медленный шаг. Задаю медленный темп нашей прогулке. Маша подстраивается под него. Ничего не говорит. Цветы в её волосах еле заметно колыхаются. Колыхаются или дрожат? Если бы я смотрел только на цветы в её волосах, не видя лица – по этим слабым движениям лепестков можно было подумать, что она плачет. Но я вижу её лицо, с удивительно беззаботной, лёгкой улыбкой, мерцающей переменчивым светом и мигрирующей – от губ к глазам, и обратно.

– Я теперь свободна! Ты не рад? – неожиданно громко спрашивает.

Я останавливаюсь. Смотрю на неё – как будто первый раз в этот день:

– Я очень рад за тебя. Очень, – обнимаю её, но она быстро освобождается из моих рук и идёт вперёд. Быстрее заданного мной темпа. Я следую за ней, отставая на несколько шагов.

– Выпускной скоро. Стремаюсь. Они хотят со мной разделаться.

– Кто они? – некто (автопилот, автоответчик?) ведёт вместо меня этот диалог с Машей.

– Все. И препода, и Розка со своими стервами.

– Почему ты так думаешь?

– Не думаю. Знаю. Это тоже одна из причин, почему я в последнее время на квартире жила. Хотя там, по верхнему счету, страшней и хуже. Но... Никуда не деться. Назло всем приду на выпускной в своем крутейшем платье. И пусть сдохнут...

– Я приду к тебе на выпускной.

– Классно. Я рада.

Ещё некоторое время – несколько минут или полчаса – продолжается наше беспокойное движение по аллее. Но аллея заканчивается – маленькой площадкой и памятником-бюстом какому-то военному. Широкая грудь в орденах и медалях. У подножия постамента – несколько завядших роз и гвоздик.

Маша присела к цветам, бережно и неторопливо перебрала их. Отбраковав самые увядшие, отнесла их к урне, протолкнула жесткие сопротивляющиеся стебли в темное жерло. Я наблюдал за ней словно в полусне. Вспомнил, как в детстве представлял себе чугунные урны сказочными пушками, в которые можно засовывать ядра и стрелять из них. Если сейчас поджечь невидимый фитиль этой урны-пушки со слегка наклоненным стволом, то она выстрелит увядшими розами и гвоздиками – в меня и в Машу. Я вдруг очень ярко представил себе эту сцену: залп из увядших цветов в стоящих на площадке и держащихся за руки меня и Машу. Урна, стреляй!

Стоя в вагоне метро по пути домой, я смотрел на свои ладони. Потом дома, сидя на диване. Пару раз вскидывал вперед руку и направлял на стену открытую ладонь – словно ожидал, что сейчас, как у какого-нибудь сказочного персонажа из мультфильма, у меня из её впадины с перекрестьем линий польхнет яркий светлый луч, прожигающий насквозь врагов и препятствия.

Луч не полыхал. Но требовалось срочно проверить целительные способности моих рук и меня.

Я включил компьютер и прогуглил адреса ближайших больниц. Городская клиническая больница № 15. На машине минут двадцать-тридцать. Наскоро перекусив, я спустился во двор, сел в машину и завёл двигатель.

Мне хотелось ко всему прикоснуться. Пока шёл из квартиры до машины, легко трогал краску стен подъезда, облицовочный пластик кабины лифта, стекло и металл входных дверей. Протянул руку к шедшей мимо кошке, но та дернулась, зашипела, отскочила в сторону и убежала.

Припарковав машину в переулке, я прошел на территорию больницы. На входе столкнулся с медсестрой:

– Здесь вход только для экстренных, – равнодушно бросила она мне.

– Я сопровождающий, – не менее отстраненно отчеканил я на ходу.

В расходящихся коридорах двигались туда-сюда пациенты, персонал. Я немного растерялся, но, не сбавляя хода, углубился во чрево здания. «Лабортатория», «Хирург», «МРТ», «Рентген».

«Кому помочь?» – я лихорадочно оглядывался по сторонам. У кабинета «Рентген», поддерживая одной рукой другую, стоял бледный парень лет двадцати.

– Что случилось? – спросил я.

– На футболе, упал. То ли вывих, то ли перелом...

«Жаль, что у меня нет медицинского халата... Раздобыть бы где-нибудь...» – мелькнуло у меня.

– Покажи, – попросил я.

– Врач, что ли? – недоверчиво посмотрел парень, но медленно протянул мне руки.

– Хилер. Запястье?

– Ага.

Я осторожно приложил к его запястью приоткрытые ладони. «Благословляю, пусть болезнь уйдет. Пусть уйдет, пусть уйдет...» – тихо зашептал, пытаюсь войти в состояние «свидетельствования любви».

– Чё ты шепчешь? – брезгливо спросил парень, отводя руку. – Заговор, что ли? – Но вдруг лицо его прояснилось, бледность медленно сошла. – Слушай, боль исчезла, реально. Как это у тебя так? – Он зашевелил пальцами травмированной руки, сжал их в кулак, разжал. – Вооо... реально проходит... Как так?

Дверь с вывеской «Рентген» открылась, и из неё вышла пожилая врачиха со снимком:

– Трещинка в лучевой. Со снимком к хирургу. Он дальше скажет.

– А у меня прошло, – расплылся в улыбке ей навстречу парень. – Этот чувак потрогал, пошептал что-то, и не болит больше. Вот, двигаю, – он продемонстрировал возможности своего запястья.

– Не говорите ерунды, молодой человек.

– Можно ещё раз снимок сделать, убедиться, исчезла ли трещина? – попросил я.

– Что за глупости... Куда она денется за пять минут? Да и не положено по два раза пленку переводить. Кто вы вообще такой? Почему здесь?

– Сопровождающий, – пробубнил я уже привычную легенду.

– Сопровождающий – так сопровождайте. А вы, – обернулась к парню, – к хирургу в пятый кабинет. Он решит, в гипс или повязку, – она скрылась в кабинете, хлопнув за собой дверью.

Заметив неподалеку вывеску «Для персонала», я осторожно потянул за ручку двери. Она легко поддалась, и внутри прямо передо мной на вешалке оказался медицинский халат. Я быстро накинул его на плечи и вдел руки в рукава. Почувствовав себя гораздо увереннее, отправился на поиски нового пациента. На каталке у стены лежала женщина средних лет, укрытая почти с головой одеялом. Она стонала – то тише, то громче. Я подошел к ней:

– Что болит?

– Низ живота, больше справа. Температура 38,5, два раза рвало, – с готовностью начала перечислять симптомы.

– Предварительный диагноз? – перебил я её.

– Говорят, аппендицит, срочно резать надо. А может, не аппендицит? Так боюсь операции... Дети дома...

Я аккуратно убрал одеяло с её живота.

– Ой, холодно, морозит.

– Минутку, – я положил руки на жёлтую, в мелкий цветочек, сорочку и погладил живот, – благословляю, пусть болезнь уйдет. Пусть уйдет, пусть уйдет.

Я закрыл глаза, пытаюсь максимально сосредоточиться, свидетельствуя любовь. «Пусть уйдет, пусть уйдет...»

– Ой, чуть-чуть отпускает, – охнула женщина, – да, отпускает. Говорю же, может, не аппендицит. Ой, в туалет захотела, по-большому.

Меня кто-то взял за плечо:

– Извините, вы кто?

Я открыл глаза и оглянулся. Передо мной стоял врач с густыми черными волосами, которым было очень тесно под шапочкой. Он вперился в меня строгим взглядом.

– Сопровождающий.

– А халат где взяли?

– Мне дали.

– Это профессорский халат, Красильникова Алексея Семеновича.

– Извините, – я быстро скинул халат и протянул его врачу.

– Он пощупал там чё, и мне легче стало. Говорю – может, не аппендицит?

И в туалет сразу по-большому захотелось. Ох, не могу терпеть... Где тут у вас? Покажите скорее, – затараторила женщина.

– Вы чей сопровождающий? – холодно продолжил допрос врач.

– Он мне легче сделал. Ой, в туалет очень хочу... Не могу... Покажите скорей! Ой! – Женщина вцепилась в руку врача.

– Вы можете идти? – повернулся к ней врач.

– Да-да, скорее, сама дойду.

– Стойте здесь, сейчас с вами разберёмся, – бросил мне врач, а сам взял женщину под руку и повел по коридору.

Как только он отвернулся, я бросился к выходу. «Всё проверилось, всё доказалось!»

«Да, работает... Боже мой, работает...» – возбуждённый, я гнал машину домой, думая о том, будут ли оперировать женщину с аппендицитом или нет. Я вдруг вспомнил о своде тёплого света, который видел в ресторане, когда мы с Акромом выпивали после первой встречи с Олегом и Ольгой из клуба. Мне нестерпимо захотелось снова его увидеть. Только бы снова его увидеть... Но где и как?

«И что, значит, теперь всё предрешено?» «Теперь это мой долг некоего высшего порядка?» «Теперь мой выбор уже не имеет значения?» «Сын человеческий идет по предназначению», – вспомнил я фразу из одного погруже-

ния в жизнь Иисуса у психотерапевта. Горячее возбуждение не покидало меня. Как бы его снять, расслабить себя? Выпить пива? Или водки? Или вина? Вернувшись домой, я заглянул в холодильник, в тумбочку, где у меня обычно хранились алкогольные напитки. Но нашел только почти пустую бутылку какого-то подозрительного коньяка. Я вернул бутылку на место и посмотрел на кувшинчик с кипяченой водой, которой я иногда разбавлял горячий чай.

Я сел за стол, взял кувшин в руки и поставил его перед собой. Подумал, что, наверное, сейчас тоже нужно что-нибудь сказать – как при исцелении, но подходящей фразы для данного случая не нашел. Тогда просто обхватил его плотно ладонями, закрыл глаза и медленно выдохнул. В голове неприятным неожиданным звонком прорезалась мысль: «Наверное, именно так сходят с ума. Перестают отличать реальность от видений. Интересно, какие из сегодняшних событий произошли объективно, а какие – только в моем воспаленном воображении?»

Я ещё раз глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Открыл глаза. Прихулся. Сдвинул крышку кувшина. Бордовая жидкость заполняла его на две трети. Вожделенно сглотив, я налил неведомый напиток в стакан, поднёс его к губам. Аромат уже не оставлял сомнений. Я сделал глоток, потом другой. Полусладкое, с чуть терпкой кислинкой, виноградное. Я смаковал неторопливые насыщенные глотки, один за другим. Потом выпил ещё один стакан. «Бог-отец Небесный, где же твой свет?» Налил ещё полстакана, выпил и вышел из квартиры. Поднялся на чердак, с него – на крышу. Передо мной – мягко колыхающееся марево смога, ночной тьмы сверху и городского сияния снизу.

Вино действительно сняло возбуждение и расслабило меня. Я уже не требовал света, чувствуя, что можно и без него. Не хотел бежать в город, чтобы ещё что-то проверять, что-то искать. Я почти не замечал висящее на краю крыши НЛО. Усевшись на шероховатую поверхность крыши и обхватив руками колени, я рассеянно смотрел в мерцающее марево и бессмысленно улыбался.

Вернувшись в квартиру, я набрал номер психотерапевта.

– Игорь Иванович, здравствуйте. Извините, что поздно. Я готов принять участие в телешоу.

– Добрый вечер! Сегодня у нас в студии потрясающие гости. Возможно, самая невероятная личность в мировой истории. Встречайте: психотерапевт Игорь Иванович Савельев и его пациент Илья Кучеренков.

Уау-уау-уау... Взрыв аплодисментов.

– Расскажите о вашем знакомстве.

– Илья пришёл ко мне как обычный клиент. Психотерапевты обычно называют тех, кому они помогают, клиентами, не пациентами. Пациенты попадают уже к психиатрам, – сделав театральную паузу, Игорь Иванович обвёл публику взглядом. Все рассмеялись.

– Очень важное уточнение! – подтвердил Анатолий. – То есть здесь не было ещё клинического случая?

– Нет-нет. Илья пришёл ко мне с жалобами на ночные кошмары и бессонницу. В принципе, довольно частая жалоба в условиях нашей городской жизни, полной стрессов.

– Ещё бы, у меня самого бессонница довольно часто, – согласился Анатолий, – но было ли что-то в случае Ильи, в его поведении, что вас насторожило или показалось необычным?

– Илья сам мне сразу показался необычным и интересным человеком. Не похожим на других современных молодых людей. Мягким, простодушным, без каких-то эгоистических амбиций. Знаете, сейчас многие молодые люди уже с института настроены на карьеру, материальные ценности, амбиции, достижение успеха. В Илье я сразу увидел, что это совершенно другого плана человек...

Уау-уау-уау... Взрыв аплодисментов.

– Другого плана человек... – Анатолий посмотрел в телекамеру, – замечательно! У меня теперь вопрос к Илье. Илья, какие именно кошмары мучили вас по ночам, и почему вы решили обратиться к психотерапевту? Бессонница и кошмары – всё-таки, действительно, нередкое явление, и большинство людей вряд ли по такому поводу станут обращаться к специалисту.

– Да в общем-то я и сам не собирался обращаться к специалисту. Меня уговорила моя... подруга, которая была знакома с Игорем Ивановичем. Она видела, что я мучаюсь, и настояла... В общем, она меня и привела в первый раз.

– Да, Леночка, знакомая нашей семьи, привела Илью в первый раз, – с готовностью подтвердил Игорь Иванович. – Илья, помню, смущался ещё очень тогда...

– Илья, расскажите о кошмарах. Что именно вы в них видели? – мягко перебил Анатолий.

– Видел, вообще-то, безобидные вещи – например, белое небо с серебряной нитью от него. Нить растягивалась в пространстве и утончалась. Она вот готова была порваться, но почему-то не рвалась. И от этого было необъяснимо жутко. Я просыпался в ужасе...

– Серебряная нить и белое небо... Мы вернёмся через несколько минут, после рекламы, – Анатолий с фирменной улыбкой обратился к телекамере.

Уау-уау-уау... Взрыв аплодисментов.

Анатолий повернулся к нам с Игорем Ивановичем и показал большой палец – «всё отлично». Затем отошёл к появившемуся из-за декораций мужчине с папкой.

После перерыва Анатолий пригласил в студию двух экспертов – симпатичного старичка-историка и психолога – довольно вульгарную на вид женщину лет пятидесяти. В течение следующих минут пятнадцати они горячо спорили о возможности путешествия сознания – под гипнозом или во сне – в свои прошлые жизни. Игорь Иванович несколько раз эмоционально вмешивался в их полемику, приводил в примеры прежние случаи из своей практики, ссылаясь на международный опыт. Мне этот спор казался искусственным, а речи историка и психолога, несмотря на эмоциональность их выступлений – неискренними и нарочитыми, словно они отыгрывали заданные роли. Игорь Иванович на их фоне выглядел гораздо более живым и настоящим.

После одной из тирад старичка Анатолий поблагодарил экспертов и объявил перерыв на выпуск новостей. Один из операторов удивленно посмотрел на него, другие привычно что-то переключили на своих пультах и камерах. Анатолий подошел к нам с Игорем Ивановичем:

– Можете пока перекурить, сходить в туалет. Будет что-то нужно – Женя вам покажет, – он мягко взял под локоть возникшую из ниоткуда женщину лет сорока. – Продолжаем через пятнадцать минут в студии. Ну а теперь мне тоже нужно отойти на минутку.

Анатолий развернулся и ушёл. Я тоже вышел в коридор. Туалет был направо, но я повернул налево. Везде наталкивался на людей, но мне очень хотелось хотя бы на несколько минут остаться одному. Наконец я свернул в

небольшой закуток, в конце которого виднелась дверь. На ней не было никаких табличек. Я повернул ручку и потянул её на себя. Блеклый дневной свет, кафельные стены. За дверью оказался ещё один туалет, но старый и неприглядный. Непонятно, зачем он был здесь. Как будто про него однажды забыли, и он остался неотремонтированным ещё с советского времени. Я зашёл внутрь. За окном накрапывал дождь, крупными, но редкими каплями; стучал по карнизу, по стеклу. Я думал, что старые деревянные створки окна не откроются, но дернул за ручку, и фрамуга с готовностью (но и со скрипом-треском) подалась. Свежий влажный воздух, ворвавшись в помещение, как будто обнял меня. Косые капли застучали о подоконник. Я подставил под них ладони.

– И теперь я хочу попросить Вас прямо сейчас, перед нашей аудиторией в зале и миллионами телезрителей во всем мире провести уникальный эксперимент – сеанс регрессивного гипноза прямо в нашей студии. Я понимаю, что эта просьба немного неожиданна для Игоря и для Ильи, потому что мы об этом не договаривались и заранее я их об этом не просил – честно говоря, в том числе и потому, что боялся получить отрицательный ответ – но теперь прошу. И прошу учесть, насколько важно провести этот сеанс именно сейчас, перед миллионами зрителей, чтобы все они либо удостоверились в этой невероятной истории, либо имели возможность заметить какой-нибудь подвох и выразить свое сомнение. Итак, Игорь, я прошу вас, чтобы вы прямо сейчас погрузили Илью в состояние гипноза и отправили его сознание в ту из его предыдущих жизней, которая сегодня интересует нас всех. А вас, Илья, прошу согласиться на этот эксперимент и лечь – не под нож хирурга, конечно, но под голос нашего психотерапевта-гипнотизера. Я понимаю, что не могу настаивать, и вы вправе отказаться, но я ещё раз хочу подчеркнуть, насколько это важно именно сегодня и именно сейчас для миллионов людей у экранов. Итак...

– Ну... тут не совсем та обстановка... Важны тишина, настрой, – начал неуверенно возражать Игорь Иванович, как мне показалось – больше для вида.

– А вы, Илья?

– Я готов, – пожал плечами я.

– Вот видите, Игорь, настрой пациента тоже очень важен, а Илья готов, – Анатолий снова повернулся к Игорю Ивановичу.

– Не пациента – клиента, – поправил Игорь Иванович. – Ну что ж, попробовать можно. Но я вынужден попросить о соблюдении некоторых условий для нашего сеанса...

Через несколько минут в студии изменили освещение, приглушив свет около большого дивана, на который меня уложили. Режиссёр распорядился свести к минимуму количество технических сотрудников и телекамер в зале. Анатолий попросил аудиторию соблюдать тишину. Игорь Иванович сел на стул рядом со мной. Некоторое время он ничего не говорил – по-видимому, настраивался на сеанс. В студии действительно воцарилась гулкая тишина. Время от времени можно было расслышать чьи-то перешептывания и покашливания. Всё это напомнило мне приглушенную атмосферу большого зала библиотеки, в которой я занимался студентом в институте. Она совсем не отвлекала, а наоборот, помогала сосредоточиться. Наверное, поэтому я смог удивительно быстро расслабиться...

– На моих ногах нет обуви. Я стою босиком на каменном полу. Вокруг меня римские солдаты. Они снимают с меня грязный красный плащ, который они представляли как царскую багряницу, чтобы посмеяться надо мной.

Они одевают меня в мои старые одежды. После этого приносят два больших бруса и выводят меня со двора на улицу. Вместе со мной они выводят из подземелья двух других разбойников. Один из солдат кивает на прохожего и велит ему нести брусья, потому что я очень слаб. Римляне ведут меня и ещё двух разбойников по улицам. Потом мы выходим из городских ворот и приближаемся к невысокому холму, мимо которого я проходил три дня назад по дороге в город. Рядом идёт много людей. Одни плюют и бросают в меня камни и комья земли, другие плачут обо мне. Я останавливаюсь и обращаюсь к ним, свидетельствуя любовь: «Не плачьте обо мне, но плачьте о себе и детях ваших...» Один из солдат толкает меня в плечо, и я иду дальше. Мы поднимаемся на холм. Солдаты связывают вместе брусья так, что получается крест. Они делают на нем надпись «Сей есть Царь Иудейский». Другие солдаты прибавляют к таким же крестам двух разбойников, которых вели вместе со мной. Они страшно кричат. Потом меня кладут на крест и гвоздями прибавляют мои запястья к дереву. Мне очень больно, и я тоже кричу. Вдруг вспышка детского воспоминания – как отчим бил меня поленом. А перед нашим домом лежали кресты, которые отчим мастерил для римских отрядов. Четверо солдат поднимают крест со мной и втыкают его в землю. С высоты креста, над головами стоящих вокруг, я на мгновение вижу возвышающуюся из-за дальнего холма блестящую полусферу. Я пытаюсь вспомнить, где уже видел этот приплюснутый шар, но теряю сознание. Крест трясется, я кричу от боли, и сознание возвращается ко мне. Я смотрю по сторонам, но шара уже не видно. Установив надежно крест, солдаты садятся на землю и кидают жребий, чтобы поделить мою одежду. Проходящие по дороге внизу смеются и кричат: «Если ты Сын Божий, сойди с креста». Разбойники на соседних крестах через гримасы боли тоже смеются надо мной. «Отче, прости им, ибо не ведают, что творят», – тихо говорю я. Всё вокруг смеркается, и я уже ничего не вижу. Тогда я кричу: «Боже мой! Для чего Ты меня оставил?» Мне в лицо тычется губка, смоченная уксусом, которую кто-то поднес на копье. Я высасываю из неё уксус и глотаю. «Отче, в руки Твои предаю дух мой», – говорю я. Всё исчезает и темнеет.

Я услышал, как в зале кто-то тихо плакал. После паузы Игорь Иванович проговорил:

– Хорошо, Илья, давайте теперь переработаем эту ситуацию...

– Но во мраке вдруг загорается звезда, – продолжил я, – она очень большая. Глядя на неё, я ощущаю блаженство и счастье. Звезда становится всё больше и больше, пока её чистый тёплый свет не заполняет всё вокруг. Внутри меня вдруг что-то лопается с тихим нежным звуком. Это мой внутренний свет и блаженство соединилось с блаженным светом звезды. – Я замолчал.

– Хорошо, Илья, теперь мы переработаем эту ситуацию...

– Ещё не всё, – негромко возразил я. – Соединившись со светом звезды, я больше ничего не хочу. Я перестаю быть существом и становлюсь состоянием. Прекрасным состоянием, в котором всё блаженно и беспредельно... Но вдруг я вспоминаю. Вспоминать в этом состоянии очень трудно, почти невозможно, но я вспоминаю, как говорил своим ученикам, что вернусь. Я не могу нарушить обещание. И я открываю глаза. Это очень трудно, почти невозможно, но я открываю глаза. Я воскресаю. Это очень трудно, почти невозможно, но я воскресаю. Открыв глаза, я вижу землю и деревья. Я иду в родное селение в Галилее и встречаю по пути Марию Магдалину и Марию. Я улыбаюсь им, свидетельствуя любовь. Они падают передо мной на колени и хватаются за мои ноги. Я кладу руки им на головы и ласково говорю: «Пойдите, возвестите братьям моим, чтобы шли в Галилею, и там увидят они меня». В Галилее, на

горе, я встречаюсь с учениками и говорю им, свидетельствуя любовь: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что я повелел вам. Я с вами во все дни до скончания века».

Я замолчал.

– Хорошо, Илья, давайте теперь переработаем эту ситуацию. Наверное, мы не зря в предыдущих сеансах говорили о важности мужской дружбы. Давайте вернёмся в тот момент, когда вас с крестом привели на холм. Здесь вы с двумя разбойниками и несколькими солдатами. Вокруг – простые люди, которые сочувствуют вам. Конвойных совсем немного – человек шесть-восемь. Вы спокойны и уверены, потому что знаете – ваши друзья не оставят вас. И это действительно так. Они появляются среди зевак, их много, и они хорошо вооружены. Возглавляет их ваш лучший друг Пётр. Маскируясь под простолудинов, они подкрадываются к охране и, используя фактор внезапности, быстро её обезвреживают. Появляется другая группа ваших друзей с заранее подготовленными лошадьми. Вы бросаете свой крест, садитесь вместе с друзьями на лошадей и скачете прочь, покидая негостеприимный город. Представьте это всё в деталях, прокрутите такую сцену в своем воображении и зафиксируйте, как ваше воспоминание.

– Нет, этого не было, – я открыл глаза и поднялся с кресла.

– Илья, подожди...

Не обращая внимания на слова психотерапевта, я повернулся к залу:

– Я не бросал крест. Я говорил, что я с вами во веки веков. Я говорил, что вернусь и проведу с собой в Царство Небесное всех несчастных и обиженных. И вот я снова здесь. Чтобы несчастные и гонимые нашли утешение и дом. Чтобы последние стали первыми. Чтобы страждущие обрели избавление от страданий, – так говорил я людям в зале, глядя в их прекрасные лица. Я говорил в наезжающие на меня телекамеры и представлял за ними такие же прекрасные и светлые лица телезрителей. – И кто хочет войти со мной в страну обетованную вечного света и блаженства, покайся сейчас. Возьми крест свой и следуй за мной. Молись и кайся, чтобы увидеть и свидетельствовать любовь бесконечную, дремлющую незаметно вокруг нас. Чтобы явилось Царство Небесное, которое внутри...

Я на мгновение замолчал, свидетельствуя любовь.

– Спасибо, Илья! Великолепные слова, которые, наверное, и памятник не оставят равнодушным, – поправив очки, заговорил Анатолий. – Вы можете занять свое место, а у нас в программе ещё один сюрприз.

Я с непониманием обернулся к ведущему:

– Я ещё не закончил...

– Да, конечно, у вас ещё будет возможность высказаться, но после специального гостя нашей программы. А я приглашаю в студию Елену Приходько, подругу Ильи Кучеренкова.

– Анатолий, я не для того... – начал я, но ведущий сделал знак режиссеру, и тот отключил мой микрофон.

В зал вошла Лена и села в кресло рядом с экспертами.

– Елена, здравствуйте! – приветствовал её Анатолий. – Расскажите, пожалуйста, о вашем знакомстве с Ильей.

– Здравствуйте. Мы с Ильей действительно близкие знакомые, и одно время жили вместе. Илья занимался в театральной студии. Он – начинающий актер, собирался участвовать в спектакле. Ему очень нужна была известность, популярность. Я также была знакома с Игорем Ивановичем, психотерапевтом, занимавшимся регрессивным гипнозом, и с его работой. И мне в

голову пришла одна идея, которая могла бы помочь Илье стать знаменитым. Идея заключалась в том, что Илья в состоянии регрессивного гипноза якобы узнает, что в прошлой жизни он был какой-нибудь величайшей личностью. Сначала мы думали о Наполеоне или Петре Первом, но потом я предложила самое известное в мире имя – Иисуса Христа...

– Неправда! Леночка, что же ты такое говоришь! – вскочил со своего места Игорь Иванович. Телекамера наехала на взволнованную и зардевшуюся физиономию психотерапевта. – Ты же сама ко мне пришла и жаловалась, что у Ильи кошмары, что по ночам он разговаривает на непонятном языке, и что тебя это очень пугает. Что ты хотела бы, чтобы он вылечился от великих страданий. Что лучше жить простым счастливым обывателем, чем великим человеком с великими страданиями. Это же всё твои слова!

– Да, так и есть, – спокойно согласилась Лена. – Примерно так я и говорила, когда просила, чтобы вы взяли Илью в качестве клиента. Для нас тогда главным было – чтобы вы заинтересовались его случаем и начали с ним работать. Остальное Илья уже должен был сделать сам. Участие в такой передаче, как сегодня, должно было стать кульминацией нашего с Ильей проекта. Но так случилось, что за это время мы с Ильей расстались. Я переоценила и по-новому взглянула на многие важные вещи. Поэтому сегодня решила прийти на эту передачу и рассказать всю правду.

«Браво, Лена... – невольно прошептал я. – Тебе всё-таки удалось... Или почти...»

– Спасибо, Елена, фантастическая история! И мы вернёмся через несколько минут, после рекламы...

После отключения телекамер Анатолий показал Лене большой палец, потом повернулся к нам с Игорем Ивановичем:

– Илья, Игорь, после перерыва – слово вам.

Я отстегнул радиомикрофон, положил его на стол и направился к выходу из студии.

– Илья, подождите! – крикнул мне вслед Анатолий. – Давайте обсудим... Пока перерыв и есть время...

Я, не оборачиваясь, быстрым шагом прошёл мимо оператора, ассистентов, охранника и вышел из огромного зала студии. Под дождём добежал до своей машины на парковке. Открыл дверь со стороны пассажирского сиденья и ввалился внутрь.

19

Я смотрел в окно. Темно-серая, почти чёрная крыша соседней машины была покрыта мелкими каплями воды. Дождь только что закончился – именно в тот момент, когда я укрылся от него внутри своего авто.

Дождь закончился, выглянуло солнце, и стало тихо. К моей машине бежали двое лысоватых мужчин среднего возраста, чем-то сильно озабоченных.

– Вы слишком о многом беспокоитесь, Марфы... – задумчиво прошептал я.

Вслед за ними каким-то прискоком торопились трое православных казаков, вытаскивая на ходу из ножен шашки с засверкавшими на вышедшем из-за туч солнце лезвиями. (Или мне опять кажется...)

Но что, в сущности, людям Страшный суд и «второе пришествие»... Гавриил немного поиграет на саксофоне, да и всё. Джаз давно умер, так же, как и рок-н-ролл, как Джим Моррисон. Остаётся только дискотека...

За долю секунды, удивительно грациозно я перемещаю свои тела на водительское сиденье и завожу двигатель. Включаю скорость и вывожу ма-

шину со стоянки. Резина визжит на мокром асфальте. Педаль газа приятно упруга... Приятно поддается моей ноге...

Православные казаки скачут за мной на лошадях. Машут шашками. Вот-вот догонят... Кроме них с парковки выезжает большой серый джип. Тоже едет за мной. Я смотрю на часы: «Наверное, успею». Выезжаю на проспект, гоню быстрее. Но впереди проспект оказывается перекрыт. По одной его стороне – шествие с плакатами: «Долой лже-пророков!», «Долой лже-Христов», «Христос с нами». Приходится свернуть в переулок. Здесь пробка. Серый джип сворачивает за мной. Казаки пришпоривают своих коней. Я через тротуар проезжаю к ближайшему въезду во двор сталинской многоэтажки. Но в арке въезда – слагбаум. Оставив машину сбоку от него на газоне, я устремляюсь через арку во двор. Позади металлический стук подков. Неожиданно навстречу мне из двора выезжает машина в форме дыни-«торпеды». Колеса исчезают, и машина висит в воздухе. Это то самое НЛО, которое я видел раньше то маленьким, то большим. Сейчас оно – размером с микроавтобус. Широкая долька «дыни» плавно съезжает в сторону, и тёплый свет изнутри салона освещает всё окружающее. «Мы ждём тебя домой, – нежно обнимаю меня, шепчет этот свет. – Ты сделал всё, что мог. Мы ждём тебя домой... Ничего не удалось, но что поделать... Когда ты говорил о Страшном суде, ты не предполагал, что всё так изменится... В этом нет твоей вины. Мы ждём тебя домой...», – мягко звучит в моем сознании. Я поднимаю ногу, чтобы ступить внутрь, но вдруг останавливаюсь. Оттолкнувшись от серо-матовой, приятной на ощупь поверхности НЛО, оббегаю его кругом и ныряю во двор. Краем глаза вижу, как растерянные казаки неуверенно машут перед летающим аппаратом шашками.

Бегу по диагонали через двор. Ещё две арки – и проспект. Прямо передо мной – кипящее человеческими телами и влекущее вниз, в свою глубину, жерло подземного перехода с тощей буквой «М». Здесь уже можно растаять в людской лаве и потеряться.

На здании на углу проспекта – большой монитор. На экране – раскрасневшийся Игорь Иванович и Лена из студии телепередачи «Ответ за базар».

Накинув капюшон и опустив голову, я сбежал по лестнице в метро. Четыре остановки по одной линии. Семь остановок по другой.

Инстинктивно наклонив голову, я прошёл под цветастой взлохмаченной аркой из бумажных флажков и шариков. За гирляндами меня встретил охранник:

– На выпускной?

– Здравствуйте. Да. Куда идти?

– Родственник или пресса?

– Родственник.

– Чей?

– Марии Полтушиной.

– А её нет.

– Как «нет»? – растерялся я. – А где она?

– Да кто её знает. Она же Маша с уралмаша, дама с претензиями... Можешь пройти у воспитательницы спросить. В актовом зале они все, – охранник почесал свежевыбритую скулу.

– Понятно... – пробормотал я и задумчиво огляделся по сторонам. Спрашивать у воспитательницы или хотя бы даже у «них всех» в актовом зале было бесполезно. Никто в этом здании сейчас не смог бы мне помочь. Развернувшись, я побрёл прочь.

Я шагал, неторопливо и спокойно. Шагал и представлял, как Маша сейчас точно так же шагает по грунтовой дороге, или по тропе. Именно по тёмной земле, я это явственно видел. Гладкие подошвы небольших изящных туфель-«лодочек» на доли секунды срastaются с податливой почвой, потом снова взлетают, срastaются и взлетают, срastaются и взлетают. Почва – взлёт. Земля – небо. Почва – взлёт. Тонкие ноги уверенно ступают по земле, в одном ритме, почти чеканя шаг.

Из жёрдочки проросли корни и почки.

Я догадываюсь, куда она идёт. Хотя место назначения уже не имеет значения. Я знаю, что у неё дальше всё будет хорошо – возможно, в отличие от меня.

Я выхожу на широкий тротуар. Всё так же спокойно и неторопливо шагаю по асфальту. Когда встречаю прохожих, говорю им негромко: «Возьми крест свой и следуй за мною». Говорю направо и налево: «Возьми крест свой и следуй за мною. Возьми крест свой и следуй за мною». Кто-то следует. Кто-то отталкивает. Кто-то хочет ударить меня бутылкой. Но другой не дает ему это сделать. Ближе к чёрной яме станции метро людей рядом становится больше. В какой-то момент они вдруг все набрасываются на меня – то ли с ненавистью, то ли с любовью – так сразу и не поймешь... Становится душно; очень душно.

– Давай сожжём его, – слышу я чей-то голос. Хотя и без огня душно.

Оказывается, это не обо мне, а о каком-то предмете.

Люди топчутся вокруг меня – как будто танцуют странный танец.

– Это тот актёршка, который нашим Господом Христом решил прикинуться, – вдруг кричит кто-то. – Мочи его, гада!

– Эти актёры за славу мать продадут, – поддакивает другой. – Иуды продажные.

Руки тянут меня за шею. Хотя и без чьих-то костлявых пальцев душно.

Я заваливаюсь набок, падаю на колени, и давящая на меня тяжесть многократно увеличивается. Потом чувствую резкую боль в боку, в голове.

Меня везли. Сначала в большой машине, трясущейся и дребезжащей на каждой неровности дороги и каждом повороте. Врач спрашивал меня о чем-то, что-то говорил. Сильно болели бок и голова. Я видел светло-серый потолок «скорой», потом перемещался в какой-то другой мир, мятый и отстраненный, почти не существующий, потом снова возвращался к неторопливо, но уверенно проявляющемуся потолку.

Позже везли по коридору с тусклым освещением проплывающих мимо длинных ламп. Меня снова о чём-то спрашивали, натягивали что-то на руку, кололи в вену, переворачивали, чтобы переодеть.

Окончательно я пришёл в себя в большой палате. Напротив меня на стене висели часы с огромным циферблатом и громко щёлкающей секундной стрелкой. Они показывали полвторого. Я с удивлением отметил, что почти не чувствую боль. Но вместе с болью приглушились и все другие ощущения и мысли. Очень хотелось пить. Медсестра принесла мокрую губку:

– Смочите губы и ротовую полость, но не пейте.

Когда попытался повернуться в кровати, заныл бок. Я вспомнил: «Пусть боль уйдет». Левая рука была перевязана, я передвинул её себе на грудь. Приложил рядом правую. «Благословляю. Пусть боль уйдет. Пусть уйдет. Пусть уйдет». Ничего не происходило. Ничего не уходило – ни ноющая боль, ни приглушенность восприятия. Секундная стрелка на часах продолжала – не тикать, но щелкать. Я слушал эти «цлак-цлак-цлак» и тишину между ними.

– Ножевая рана и сотрясение мозга. И ещё рука поцарапана. Легко отделался. Через пару недель пойдёшь опять по барам драться, – весело ответил врач на мой вопрос о произошедшем.

– Я не дрался в баре.

– Не в баре, так в клубе. Какая разница? Знаем мы вас... – продолжал улыбаться жизнерадостный врач. – А нам потом штопать. Слушай, а тебя по телевизору не показывали? Что-то там про актера, который Иисусом прикинулся?

– Нет, похож просто. Уже не первый раз путают.

Вместе со мной в палате лежало ещё трое. Один совсем молодой парнишка лет восемнадцати-двадцати с огнестрельным ранением («этот точно из клуба», – мелькнуло у меня). Он уже со дня на день ждал выписку, постоянно куда-то уходил, возвращался, долго разговаривал с кем-то по телефону – жил уже не «больничной жизнью». Другой – пожилой мужчина-дальнобойщик с отмороженными прошлой зимой руками и почему-то только сейчас прооперированными. Третий – лежачий больной после автомобильной аварии, весь перебинтованный – почти как мумия, с поднятой вверх ногой. Первый день дальнобойщик то и дело просил молодого парня или меня переключать каналы висящего на стене телевизора, и потом каждый раз спрашивал: «Ничего, если этот канал пока поиграет?» И мне, и парнишке, и тем более «мумии» было всё равно. На второй день дальнобойщик остановил свой выбор на телеканале «Бокс ТВ», и два дня без перерыва мы смотрели бокс и ММА.

«Вот, драться так надо, а не стрелять», – несколько раз наставительно повторял дальнобойщик парню с огнестрельным ранением. Тот в конце концов, кажется, проникся духом боевых единоборств и в каждом поединке болел за того, кто был больше размерами. К концу второго дня даже «мумия» начала оживать и несколько раз в самые напряженные моменты боёв с азартной горячностью восклицала: «Да мочи его, боковым добивай!»

Под бесконечные поединки и борьбу за выживание на телеэкране я думал о том, как после выздоровления и выписки из больницы снова спрячусь от всех в своей тихой квартирке. Нужно будет начать искать новую работу. Или попробовать вернуться на старую? Если там ещё никого не взяли на моё место. Ведь в мебельной фирме меня любили, уважали... Я был в приятельских отношениях с вице-президентом, с которым начинал работать в компании семнадцать лет назад (он на должности продавца, я – грузчика). Руководителю отдела объясню всё нервным срывом на почве... на почве... В общем, он и сам всё поймет, если посмотрит телешоу «Ответ за базар». Только как долго мне придётся восстанавливаться после операции? Когда смогу полноценно ходить? Когда разрешат физические нагрузки?

Вечером третьего дня пришёл Акрам. Принёс цветы и апельсины. После бурных приветствий и осторожных объятий шепнул:

– Я не один пришел... И, в общем... кхм... – он бросил на меня неуверенный и одновременно лукавый взгляд, – тут жертвования пошли... Без моего желания и намёка... абсолютно. Сами пришли, сами принесли... В общем, – он открыл дверь и кивнул кому-то.

В палату вошла Ольга из клуба. Краснея и сбиваясь, заговорила:

– Я искала вас, но только номер Акрама у меня оказался. Я очень хотела лично поблагодарить... За чудо... Настоящее чудо... Доктора не верят... Три снимка за три месяца – растёт-растет-растет, а тут новый снимок – чисто, как стёклышко. Не поверили, снова на снимок – опять чисто, опять как стё-

клышко, – она взяла меня за руку и опустилась на колени, – спасибо, спасибо, спаси Бог, спаси и благослови!

Дверь снова открылась, и в палату вошли двое старушек, мужчина и три женщины разного возраста. Они тоже сразу опустились на колени. Я попытался поднять Ольгу, но она только замотала головой и продолжила:

– Так неправильно жила всю жизнь... Столько грехов, стяжательства – под себя всё. А перед Богом нет ничего. Но я в вас сразу поверила, почувствовала что-то, тогда ещё, на встрече. Был знак. И вот – готова отринуть всё. После снимка этого – как стёклышко – подумала в монастырь пожертвование сделать. А потом понимаю, что всё так же деньгами этими мыслю и живу, тленом бренным. Решила тогда сама в монастырь пойти, дети взрослые уже, справятся. А потом опять понимаю – что монастырь? Какой монастырь? Зачем – когда ты здесь уже? И вот каюсь перед тобой за все грехи свои. Молюсь и каюсь. Спаси и благослови, – Ольга крестилась и опускала голову в размеренных поклонах. – Благослови на путь с тобой в Царство Небесное. Знакомым своим в приходе нашем рассказала, и они тоже пришли. Также оставят всё готовы и за тобой идти. Благослови только...

Прихожане тоже принялись молиться и торопливо креститься:

– Молимся и каемся, – вторили их тихие, но уверенные голоса.

Акрам вдруг посмотрел на меня трогательным взглядом, какого я никогда раньше у него не видел – полным печали и нежности. Встретив этот его взгляд, я почувствовал, как что-то меняется вокруг. Пришло свидетельство любви – словно вернулось ко мне, набрав где-то силы – многократно выросшим и окрепшим, и, самое главное, уже не зависящим от меня. Оно лилось само по себе из разных мест. Я только принимал и впитывал его, и потом снова отдавал окружающему. Всё менялось очень быстро и необратимо. Я положил руки на голову Ольге. Чернокожие боксеры на экране телевизора устало клинчевали, из последних сил обмениваясь апперкотами и хуками.

Эпилог

Не верится, что дописываю последнюю страницу. Я в той же кофейне на краю города, где начал писать эту книгу. Где мучительно искал способы раздобыть пятьдесят тысяч долларов на спасение Маши и где опасно, с металлическим скрежетом, бешено крутятся лезвия блендера за барной стойкой. Прошло чуть больше двух месяцев с того злосчастливого телешоу, с выпускного вечера Маши, который она так ждала и на котором так и не появилась, и с того происшествия у метро, когда меня чуть не закатали в асфальт.

Я похудел – почти на тридцать килограмм. Не благодаря фитнесу или слимфасту; просто пропал аппетит – как будто насыщаюсь чем-то другим. В этой кофейне я тоже уже давно ничего не ем, но официантка не выгоняет и не бросает на меня косых взглядов. Вместо этого подходит иногда ко мне, садится на пол у моих коленей, обнимает их и плачет. Её зовут Наташа. Она оборудовала для меня небольшой закуток в подсобке, отгородив его ширмами, и никто, кроме неё, не знает, что я здесь. Если бы её хозяин обнаружил, что она меня здесь скрывает, наверное, очень рассердился бы. Ведь если характер моего присутствия в этой ничем не примечательной кофейне сменится с тайного на явный, то заведение превратится в золотую жилу и очень быстро сделает его миллионером. Глупо официантке Наташе не использовать такие возможности и ставить крест на финансовых чаяниях шефа, оставляя меня здесь в статусе инкогнито...

Хотя в окрестностях кофейни – всего-то в километре от неё, в лесу за МКАДом, время от времени появляется другая достопримечательность. Она могла бы тоже привлечь в район туристов и зевак, и вместе с ними – дополнительные денежные потоки, но с ней другая проблема – она то покажется, то исчезнет. Показывается совсем ненадолго – на несколько минут в сутки, да и то не каждый день. И ладно бы так – и эти краткосрочные явления могли бы привлечь публику, но в остальное время такая же достопримечательность, на такой же короткий срок показывается во всех других частях города – почти везде. И ещё она с каждым днем становится всё больше и больше. Это уже не то небольшое НЛО в форме дыни-«торпеды», которое видели Лена и я. Оно уже под километр в диаметре, то являющееся в блестящей металлической плоти, как раньше, то бестелесное и почти незримое. Уже не овальное, а скорее круглое, с уходящим вверх куполом. В нем всё больше людей. Тех, кто идёт за мной по вечерам, взяв кресты свои (я выхожу из кофейни чаще всего по вечерам и ночам), и которых я привожу к нему; оставивших всё, несчастных и больных, отринувших всё и спустившихся в слезном покаянии до самого дна глубин своих, сырых и убогих – к сияющему чистым светом куполу. Купол принимает их в свой свет, с нежной кротостью и безусловностью.

Маша уже побывала внутри НЛО, но вернулась – помогать мне или просто быть рядом. Акрам – как и хотел – стал при мне бухгалтером. Считает выловленных и спасённых человекoв.

Времени почти не остаётся. Совсем скоро улетаем – я чувствую это по свету из купола. Так что допишу эпилог и пойду на улицу, как обычно – говорить негромко прохожим направо и налево: «Возьми крест свой и следуй за мной. Возьми крест свой и следуй за мной»...

Ежегодная литературная премия

MECENAT.KZ

объявляет конкурс на ЛУЧШИЙ РОМАН о Казахстане

**Приглашаем всех авторов,
желающих принять участие**

**Подробную информацию вы можете
узнать на сайте mecenatkz.com**

